

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССLIV.

1887.

ДЕКАВРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашова. Наб. Екатерининскаго кан., № 78.
1887.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ	27
А. И. Варбашевъ. Таненборгская битва	151
В. Г. Дружининъ. Три неизвѣстныхъ произведенія князя Антіоха Кантемира	194
П. О. Морозовъ. Очерки изъ исторіи русской драмы.	205
С. О. Платоновъ. Древнія русскія повѣсти и сказанія о смутномъ времени XVII вѣка, какъ историческій источникъ (про- долженіе):	251
Н. А. Полювъ. Къ вопросу о Оупрасльской рукописи	304
И. О. Вобровеиій. Дополненіе къ статьѣ: „Судьба Оупрасльской рукописи“	307

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

А. Н. Веселовскій. Противорѣчія италіанскаго Возрожденія	316
И. А. Липиниченко. <i>Al. Semkowicz</i> . Kruty czyny rozbiór dziejów pol- skich Iana Długosza do rości 1384. Kraków. 1887.	350
К. Н. Вестужевъ-Рюминъ. Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники. <i>Я. К. Грота</i> . С.-Пб. 1897	362
В. О. Миллеръ. <i>М. Е. Соколовъ</i> . Старорусскіе солнечные боги и богиня Сямбирскъ. 1887.	364
П. М. М—въ. Нижегородскій Сборникъ. <i>А. С. Гацискаго</i> . Т. VII. — Книжныя новости	373 376
М. Л. Стефановичъ. Женскія гимназіи въ Германіи.	49
— Наша учебная литература (разборъ 8 книгъ)	71

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

— Наши учебныя заведенія: I. Объ испытаніяхъ зрѣлости въ 1884 году.	39
II. Учебная часть на Кавказѣ въ 1885 году	98
А. И. Воейковъ. Письма изъ-за границы. IX	116

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

Э. Л. Радловъ Этика Аристотеля (окончаніе).	155
К. Н. С—скій. Стихотворенія, приписываемыя Платону	177

Редакторъ Л. Майковъ.

(Вышла 1-го декабря).

ТАННЕНБЕРГСКАЯ БИТВА ¹⁾.

Танненбергская битва имѣетъ крупное мировое значеніе. Это не было столкновение двухъ народовъ; это была борьба германо-романскаго запада со славянскимъ востокомъ. На одной сторонѣ стоялъ Тевтонскій орденъ и рыцари изъ Германіи, Англіи, Франціи, Италиі; эти пришельцы составляли болѣе трети нѣмецкой арміи, бывшей

¹⁾ Главные источники: *Cronica conflictus Vladislai regis Polonie cum cruciferis anno Christi 1410* въ *Scriptores rerum prussicarum*, herausgegeben von *Hirsch, Töppen, Strehlke*, III Band. Leipzig 1866, 434—439. *Długosz, Historia Polonica*, ed. *A. Przewdziecki*, tomus IV. Cracoviae 1877, liber XI. *Johann von Posilge* въ *Script. rer. prus.*, III. Письма Ягайла къ женѣ Аниѣ и къ епископу познанскому Альберту въ *Script. rer. prus.* III, 425. Жалоба поляковъ и оправдательный отвѣтъ рыцарей на Констанцкомъ соборѣ въ *Codex epistolaris Vitoldi*, ed. *A. Prochaska*. Cracoviae 1882, 1001 и у *Voigt, Geschichte Preussens*, VII Band. Königsberg 1886, 84. Отрывки разныхъ хроникъ въ *Script. rer. prus.* III и IV.

Главныя пособія: *Narbutt, Dzieje narodu litewskiego*, VI, Vilno 1839, 236. *Voigt, Gesch. Preus.*, VII, 85. *Шайноша, Ядвига и Ягайло*, томъ II, С.-Пб. 1882, 611. *Caro, Geschichte Polens*, III, Gotha 1869, 325. *Köhler, Die Entwicklung des Kriegswesens und der Kriegführung in der Ritterzeit von Mitte des XI Jh. bis zu den Hussitenkriegen*, Band II, Breslau 1886, 656—740. *Thunert, Der grosse Krieg zwischen Polen und dem Deutschen Orden*,—въ *Zeitschrift des Westpreussischen Geschichtsvereins*, Heft XVI, Danzig 1886, 38—104. (У г. Туверта указаны другія нѣмецкія изслѣдованія, имѣющія отношеніе къ Танненбергской битвѣ). *Prochaska, Przed Grunwaldem* въ *Szkice historyczne z XV wieku*, Kraków i Warszawa 1884, 41—147. (Недавно на польскомъ языкѣ издано для народнаго чтенія описаніе Танненбергской битвы—*Bitwa pod Grunwaldem czyli zwycięstwo polaków nad krzyżakami 1410 r., wedle Długosza, Karola Szajnochy i innych*. Poznań 1886.; научнаго значенія, конечно, не имѣетъ).

подъ Танненбергомъ¹⁾. На другой—русскіе, поляки, чехи, мораване, силезскіе славяне, литовцы, татары; болѣе всего было русскихъ и поляковъ; тѣхъ и другихъ можно считать приблизительно поровну. По значенію для славянства Танненбергская битва можетъ быть сравнена съ Куликовскою. Въ послѣдней силы восточнаго центра русскаго племени—Москвы отразили татаръ, грозившихъ съ востока, а въ первой силы западнаго центра русскаго племени—Вильны, вмѣстѣ съ поляками, отразили враговъ, грозившихъ съ запада.

Вмѣстѣ съ тѣмъ это была борьба отживающихъ средних вѣковъ съ наступающими новыми: представитель первыхъ—рыцарскій орденъ, хранитель средневѣковаго военнаго искусства боролся съ ополченіями, сравнительно молодыхъ еще народовъ, съ ополченіями, чуждыми болѣе или менѣе рыцарской науки и рыцарскаго духа. Въ этомъ отношеніи Танненбергская битва отчасти можетъ быть поставлена рядомъ съ битвами при Земпахѣ и при Никополѣ. Во всѣхъ трехъ битвахъ рыцари потерпѣли страшное пораженіе отъ противниковъ, которыхъ они презирали за невѣжество въ военномъ дѣлѣ: при Земпахѣ—отъ грубыхъ швейцарскихъ поселянъ и горожанъ, при Никополѣ—отъ турокъ, при Танненбергѣ—отъ славянъ и литовцевъ, про которыхъ магистръ Ульрихъ-фонъ-Юнгингенъ выразился, что въ ихъ войскѣ болѣе кашеваровъ, чѣмъ воиновъ²⁾. Но, уступая рыцарямъ въ военномъ искусствѣ, противники ихъ имѣли другія преимущества. Для рыцарей война была искусство, и притомъ искусство для искусства. Рыцарь слишкомъ много придавалъ значенія соблюденію рыцарскихъ приемовъ и правилъ, для него на первомъ планѣ стояла битва непременно по всѣмъ правиламъ, а результатъ битвы, побѣда, какъ бы отодвигался на второй планъ. Убѣжденный въ неотразимости своихъ приемовъ, самоувѣренный рыцарь и не думалъ искать благопріятныхъ обстоятельствъ и пользоваться счастливыми случаями³⁾. Совсѣмъ другое на противной

¹⁾ Voigt, Geschichte Preussens, Königsberg 1836, VII, 76. Были на сторонѣ ордена и отмѣтившіеся славяно: нѣкоторые поморскіе князья и силезскіе. Интересно, что Кромеръ укоряетъ ихъ за измѣну своимъ соплеменникамъ и предкамъ: Et sane omnis fere Germania tunc autoribus Crucigeris in exitium Polonorum conspiraverat. Silesiorum item et Slavorum sive Pomeranorum, qui ad mare Balticum et Chersonesum Cymbricam accolunt, duces in consanguineorum ac progenitorum suorum perniciem devoti, armis Crucigeros virisque juverunt. *Cromer*, Polonia sive de origine et rebus gestis Polonorum, Col. Agrip. 1589, 270.

²⁾ *Diugosz*, Hist. Pol., liber XI, 17.

³⁾ Script rer. prus., III, 317 примѣчаніе 2.

сторонѣ. Сознавая военное превосходство рыцарей и интересуясь результатомъ битвы, а не битвой, противники рыцарей не пренебрегали никакими обстоятельствами для извлеченія изъ нихъ практическихъ выгодъ: выбирали и мѣстность удобную, слѣдили и за направлеиємъ вѣтра и проч. Вовторыхъ, рыцарскія арміи, состоявшія изъ представителей разныхъ государствъ и различныхъ народностей, не имѣли ни политическаго, ни національнаго единства. Разъединенности ихъ еще болѣе способствовалъ рыцарскій духъ, который на первомъ планѣ ставилъ личные подвиги. Рыцари и совершали подвиги, но совершали ихъ отдѣльными отрядами и единичными личностями. Противники же ихъ, связанные политическимъ и национальнымъ единствомъ, дѣйствовали сплошною массою, не надѣясь на отдѣльные личные подвиги и не гонясь за ними. Феодално-рыцарская обособленность среднихъ вѣковъ побуждалась національно-политическимъ объединеніемъ новаго времени. Въ Танненбергской битвѣ противники рыцарей имѣли еще одно достоинство, вслѣдствіе чего эта битва отличается нѣсколько по своему характеру отъ Земпахской и Никопольской и потому можетъ быть приравнена къ нимъ только отчасти. Русскіе, составлявшіе, какъ уже сказано, очень значительную часть славянской арміи, и даже литовцы были все-таки нѣсколько знакомы съ военною наукою того времени. Еще со временъ Витеня и въ собственно литовскихъ отрядахъ была введена русская дисциплина и русскіе военные приемы, о которыхъ нѣмецкіе лѣтописцы отзывались съ большою похвалою и называли сходными съ приемами западныхъ рыцарей ¹⁾). Точно также, конечно, и поляки, и чехи, и мораване, ближе стоявшіе къ западной Европѣ, не были незнакомы съ военною тактикою.

Сами современники и позднѣйшіе лѣтописцы ²⁾ смотрѣли на Танненбергскую битву, какъ на борьбу запада съ иновѣрнымъ востокомъ. Въ этомъ направленіи именно дѣйствовала фантазія, проявляющаяся въ извѣстіяхъ изъ странъ, отдаленныхъ отъ мѣста битвы. Такъ въ Любекской хроникѣ говорится, что въ Танненбергской битвѣ противъ ордена и его союзниковъ сражались сарацины, турки, персы, ми-

¹⁾ Антоновичъ, Монографія по исторіи западной и юго-западной Россіи, томъ I. Кіевъ, 1885, 40. Саго, III, 307, сравнивая Танненбергскую битву съ Земпахскою и Никопольскою, упускаетъ изъ виду приведенное отлчіе.

²⁾ Такой взглядъ, напримѣръ, въ хроникѣ Ваповскаго, *Wapowski, Dzieje korony Polskiej i wielkiego księstwa Litewskiego*, wyd. *Malinowski*. Wilno 1847, I, 216.

дѣйцы и даже евреи. Французскія хроники противниковъ ордена называютъ сарадинами. Въ одномъ французскомъ романѣ XV в. (*L'hystoire et plaisante cronicque du Petit Iohan de Saintre et de la jeune dame des Belles-Cousines sans autre nom nommer par Antoine de la Sale*), разсказывающемъ, какъ одинъ знаменитый французскій рыцарь, по требованію своей дамы, отправился въ прусскій походъ, говорится, что въ составъ языческаго войска при Танненбергѣ входили всѣ магометане востока до самой Индіи, что, кромѣ того, тамъ были и египтяне, и марокканцы ¹⁾.

Вражда нѣмцевъ и славянъ началась очень давно ²⁾. Уже въ IX вѣкѣ нѣмцы сильно проявляли свой *Drang nach Osten*. Послѣ упорной и продолжительной борьбы исчезли съ береговъ Эльбы и Одера славянскія государства бодричей и лютичей, и на ихъ мѣстѣ явились маркграфства Саксонское и Бранденбургское. Мѣсто Велико-Моравской державы заняли маркграфства Австрійское и Каринтійское. Чехія вошла въ составъ нѣмецкихъ земель, и чешскіе князья обратились въ нѣмецкихъ вассаловъ. Утвердясь въ Пруссіи, Тевтонскій орденъ отторгнулъ отъ Польши цѣлую область—Поморье. Ливонія и Эстонія были заняты нѣмцами. Притязанія нѣмцевъ на восточныя земли не знали границъ. Для достиженія своихъ цѣлей они пользовались самыми разнообразными средствами. Куда не могли проникнуть вооруженною силою, туда они втирались посредствомъ поселеній и торговыхъ сношеній, какъ напримѣръ, въ Новгородъ и Псковъ. Не пренебрегали и разными дарственными грамотами императоровъ, хотя эти грамоты не имѣли прямого практическаго значенія; такъ отъ Людовика Баварскаго рыцари получили грамоту на Литву и Русь ³⁾. Нѣмецкое духовенство, распространяясь по славянскимъ землямъ, не мало способствовало порабощенію славянъ. Во всѣхъ насиліяхъ крестоносцевъ, напримѣръ, въ захватѣ Поморья, въ нападеніяхъ на Польшу при Владиславѣ Локеткѣ,—имъ помогали многочисленныя рыцари изъ всѣхъ странъ Германіи.

¹⁾ Script. rer. prus. III, 405 (Forsetzung von Detmars Lübischer Chronik); то же—въ хроникѣ одного августинскаго монаха въ Оснабрюгѣ, Script. rer. prus. III, 411 (Ioannes Schiphower aus Meppen), III, 453 (Chronique du religieux de Saint-Denys), III, 455 (Enguerrand de Monstrelet), III, 456 (Antoine de la Sale).

²⁾ Подробнѣе объ этой враждѣ см. *Шайноха*, Ядвига и Ягайло, томъ I, глава VIII (стр. 360—430).

³⁾ *Raczynski*, Codex diplomaticus Lithuaniae. Pozniŭ 1845, 42. *Шайноха*, I, 370.

Въ захваченныхъ земляхъ рыцари не давали никакой пощады населенію. Нѣмецкій же лѣтописецъ Вигандъ говоритъ, что нѣмецкіе владѣтели Эстовіи жестоко обходились съ народомъ, безчестили женщинъ и дѣвицъ, мужей и отцовъ обращали въ рабство, отнимали имѣнія у владѣльцевъ ¹⁾. Не менѣе угнетала славянскія земли и нѣмецкая торговля. Главнымъ центромъ этой торговли въ XIII и XIV вв. были ганзейскіе города, лежащіе по берегамъ Эльбы и Балтійскаго моря, въ древнихъ славянскихъ земляхъ. „Возросши изъ славянскихъ корней, Ганза питалась и далѣе славянскими соками, высасываемыми изъ отдаленнѣйшихъ славянскихъ народностей, изъ Польши, русской Литвы и Руси. Такимъ образомъ всѣ эти страны постоянно видѣли надъ собою рыцарскій мечъ, а у каждой изъ своихъ артерій — въ стѣнахъ Кракова, Гданска, Вильны, Пскова, Новгорода Великаго—толпы ганзейскихъ купцовъ, которые ихъ высасывали. Собственною промышленностью, искуснымъ выборомъ товаровъ не отличались тевтонскіе города. Единственнымъ источникомъ ихъ благосостоянія была выгодная торговля со славянскимъ востокомъ, остававшаяся долгое время въ ихъ исключительномъ обладаніи“ ²⁾.

За всѣ эти выгоды нѣмцы платили славянамъ притѣсненіями и угнетеніями. Ганза отняла у славянъ всякую возможность собственныхъ торговыхъ предпріятій; въ теченіи многихъ лѣтъ славяне должны были сбывать свои товары такъ дешево и покупать заграничныя такъ дорого, какъ угодно было ганзейскому союзу. Исторія важнѣйшихъ славянскихъ городовъ: Праги, Кракова, Бреславля, показываетъ наглядно, какъ нѣмцы, разъ появившись въ странѣ, старались во всемъ получить преобладаніе. Такъ, напримѣръ, въ Прагѣ въ городскомъ магистратѣ сидѣли 16 иностранцевъ и только два чеха. Въ Пруссіи и Поморьѣ туземное населеніе могло заниматься только земледѣліемъ и было отстранено отъ всѣхъ общественныхъ отношеній. Одна изъ важнѣйшихъ привилегій—ограниченіе воинской повинности на нихъ не распространялась. Нѣмецкіе переселенцы несли ограниченную службу, то-есть, выходили только для защиты своей страны и то въ предѣлахъ своего округа или уѣзда; туземцы же, по каждому востребованію, должны были нести неограниченную службу, то-есть, и при оборонѣ страны, и въ походахъ на Литву и Польшу. Далѣе орденъ

¹⁾ *Wigand, ed. Raczyński, 64. Шайноха, I, 379.*

²⁾ *Sartorius, Geschichte des Hanseat. Bundes, 1805, I, 314, 320. Ср. Шайноха, I, 381, 382.*

скіе законы постановили, что ни одна пядь нѣмецкой земли не можетъ перейти во владѣніе туземца. Туземцамъ не дозволялось даже учиться ремесламъ, не только заниматься ими ¹⁾). Можно бы ожидать, по крайней мѣрѣ, что нѣмцы, какъ народъ цивилизованный, будутъ способствовать просвѣщенію туземцевъ. На дѣлѣ же оказывается, что нѣмцы ничего не сдѣлали въ этомъ отношеніи; ни въ Пруссіи, ни въ Поморской землѣ послѣ рыцарей не осталось ни малѣйшаго слѣда заботы о просвѣщеніи. Въмѣсто науки съ западными пришельцами проникали въ массы народа предрасудки и пороки. Въ XIV и XV вв. въ нѣмецкой землѣ стала распространяться чудовищная теорія истребленія колдуній, и отсюда-то эта теорія перешла и въ Польшу. Пьянство, волокитство и безчестная игра въ кости были обычнымъ времяпровожденіемъ тевтоновъ. Однимъ изъ самыхъ пагубныхъ вліяній тевтоновъ было распространеніе разбойничества, которое отъ нихъ перешло и въ Польшу. Подобныя дѣянія и качества, конечно, возбуждали въ притѣсняемыхъ славянахъ сильную ненависть къ нѣмцамъ. Съ какою же враждою вообще относились нѣмцы къ славянамъ, можно видѣть изъ словъ тевтонскаго священника, доминиканскаго монаха Фалькенберга, обращенныхъ къ Европѣ: „всѣ князья должны почестъ своею обязанностью возстать съ мечомъ мести противъ Польши; нѣтъ заслуги, вѣрнѣе ведущей къ спасенію души, какъ содѣйствіе совершенному истребленію польскаго народа съ его королемъ и шляхтою ²⁾).

Очевидно, что при такомъ положеніи было слишкомъ довольно причинъ для борьбы, которая и продолжалась между славянами и нѣмцами непрерывно. Полякамъ особенно неприятна была утрата Поморья. Еще Казиміръ Великій завѣщалъ своимъ преемникамъ отнять отъ ордена эту землю ³⁾). Принимая на престолъ Ягайла, польскіе паны взяли съ него формальное обѣщаніе стараться о возвращеніи Поморья ⁴⁾).

Война же 1410 г. или, какъ она часто называется, великая война, кромѣ упомянутыхъ общихъ причинъ, имѣла особые ближайшіе поводы. Это—споры за Дрезденко и Жмудь.

¹⁾ *Voigt*, *Gesch. Preussens*, VI, 728: „aber man soll keinem Preussen das Handweßk lehren“. *Шайноха*, I, 390, 391.

²⁾ *Шайноха*, I, 393—401.

³⁾ *Bołrzyński*, *Dzieje polski*, Warszawa 1880, I, 219, 220.

⁴⁾ *Sokołowski i Szujski*, *Codex epistolaris saec. decimi quinti*, I, 4. *Długosz*, X, 450.

Въ концѣ XIV и началѣ XV в. орденъ опять захватилъ нѣсколько земель, которыя граничили съ Польшей и на которыя поляки тоже предъявляли свои права. По предложенію Сигизмунда Венгерскаго, рыцари купили Новую Маркію (на нижнемъ теченіи р. Варты), принадлежавшую Люксембургскому дому, и Добржинскую землю (на среднемъ теченіи Вислы)—у Владислава Опольскаго, который получилъ ее отъ короля Людовика съ условіемъ быть вассаломъ королевства Польскаго. Такимъ образомъ верховнымъ владѣтелемъ Добржинской земли былъ Ягайло. Естественно поэтому, что поляки рѣшительно воспротивились захвату этой области, и послѣ долгихъ споровъ, вопросъ о Добржинской землѣ кончился тѣмъ, что миролюбивый магистръ Конрадъ Юнгингенъ перепродалъ ее полякамъ, по ихъ желанію, въ 1405 г. ¹⁾ На Новую Маркію прамыхъ притязаній поляки не имѣли, но присоединеніе ея къ ордену беспокоило сильно Польшу, потому что границы Новой Маркіи были очень неопредѣленны и спорны, и поляки опасались, что рыцари начнутъ захватывать польскія пограничныя мѣста. Опасенія эти очень скоро подтвердились. Рыцари захватили опять покупкою лежащій на границѣ Новой Маркіи городъ Дрезденко. Этотъ городъ нѣсколько разъ переходилъ изъ рукъ въ руки: въ XIII и въ началѣ XIV в. онъ принадлежалъ то поморскимъ князьямъ, то великопольскимъ, то маркграфу Бранденбургскому. Наконецъ въ 1365 г. четверо пѣмечкихъ владѣтелей Дрезденка князья фонъ-деръ-Ость присягнули Польскому королю Казимиру и въ присяжной грамотѣ засвидѣтельствовали, что этотъ городъ есть древнее достояніе польской короны. Эту присягу Ульрихъ фонъ-деръ-Ость повторилъ Ягайлу и даже обязался (въ 1405 г.) промѣнять Дрезденко на какое-нибудь владѣніе въ центрѣ Польскаго королевства. Но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого обѣщанія Ульрихъ фонъ-деръ-Ость неожиданно передалъ Дрезденко во временное владѣніе Прусскому ордену съ обязательствомъ чрезъ годъ уступить его въ полную собственность рыцарямъ. Понятно, какое впечатлѣніе должно было произвести это событіе въ Польшѣ. Начались обычные дипломатическіе споры.

Споръ шелъ о томъ, принадлежалъ ли Дрезденко всегда къ Новой Маркіи или считался впѣ ея предѣловъ. Въ доказательство перваго магистръ неоднократно ссылался на письма къ нему Сигизмунда

¹⁾ *Dogiel*, Codex diplom. Regni Polon. et. M. D. Lithuaniae, 1758—1764, IV: 81. *Caro*, Gesch. Polens, III, 244.

Венгерскаго, который убѣждалъ его не отдѣлять Дрезденко отъ Новой Мархін ¹⁾). Пока былъ живъ миролюбивый магистръ Конрадъ Юнгингенъ, старавшійся всѣми способами устранить или по крайней мѣрѣ отдалить разрывъ, дѣло окончательно не рѣшалось и не обострялось, хотя вопросъ о Дрезденко усложнился еще пререканіями о Сантокѣ (городъ на р. Вартѣ) и другихъ пограничныхъ мѣстахъ. (Сантокомъ владѣли іоанниты, которымъ заложилъ его Венгерскій король; прусскіе рыцари причисляли Сантокъ тоже къ Новой Мархін ²⁾). Но 30-го марта 1407 г. Конрадъ умеръ, и на его мѣсто, вопреки его собственнымъ предостереженіямъ, былъ выбранъ воинственный, неуступчивый братъ его—Ульрихъ Юнгингенъ. Дѣло стало принимать рѣшительный оборотъ. Уже въ началѣ 1408 г. состоялся въ Ковнѣ съѣздъ великаго магистра, Ягайла и Витовта. На этомъ съѣздѣ Витовтъ былъ посредникомъ въ спорѣ о Дрезденкѣ, о чемъ его просилъ магистръ еще два года назадъ ³⁾). Витовтъ присудилъ этотъ городъ полякамъ. Тѣмъ не менѣе Ульрихъ Юнгингенъ купилъ Дрезденко въ вѣчную собственность ордена, къ крайнему, конечно, неудовольствію поляковъ; говорятъ, что Ягайло однажды воскликнулъ, что не хочетъ быть Польскимъ королемъ, если не возвратитъ Дрезденко ⁴⁾).

Въ то же время великій магистръ нанесъ еще новое оскорбленіе Польшѣ. Вслѣдствіе голода въ Литвѣ, Ягайло отправилъ туда рѣкою Вислою 20 судовъ съ хлѣбомъ; у Рагнеты великій магистръ приказалъ ихъ задержать подъ предлогомъ, что они везутъ оружіе. По всей вѣроятности, этотъ поступокъ магистра находился въ связи съ волненіями въ Жмуди ⁵⁾, которая собственно и послужила ближайшимъ поводомъ къ войнѣ. Посланный Витовтомъ бояринъ Румпольдъ произвелъ въ Жмуди рѣшительное возстаніе противъ рыцарей, кончившееся ихъ изгнаніемъ.

Жмудь давно была яблокомъ раздора между орденомъ и Литвою ⁶⁾, Приобрѣтеніе этой страны для Прусскаго ордена было очень

¹⁾ Codex epistolaris Vitoldi, 106, 126.

²⁾ Cod. ep. Vitoldi, 138, 160.

³⁾ Cod. ep. Vitoldi, 124.

⁴⁾ По вопросу о Дрезденкѣ и Сантокѣ см. еще Cod. ep. Vitoldi, 197—200 (жалобы Ягайла и Витовта противъ ордена передъ западно-европейскими князьями). *Dogiel*, I, 593, 595. *Caro*, III, 251—270. *Шайноха*, II, 407 и сл., 584 и сл.

⁵⁾ Cod. ep. Vitoldi, 187, 985 пр. 1.

⁶⁾ Подробнѣе о спорахъ за Жмудь см. *Prochaska*, *Przed Grunwaldem* въ *Szkice historyczne z XV wieku, Kraków i Warszawa 1884 г.*, 41—147.

важно: она соединяла бы его съ Ливонскимъ. Поэтому давно уже рыцари весьма упорно стремились къ этой цѣли. Обстоятельства имъ благопріятствовали. Жмудины, не смотря на всѣ усилія Витовта и Ягайла, оставались упорными язычниками, — а это давало оправданіе притязаніямъ рыцарей, какъ бы налагало на нихъ обязанность въ глазахъ западной Европы покорить этихъ язычниковъ и обратить ихъ въ христіанство. Другимъ благопріятнымъ обстоятельствомъ, по крайней мѣрѣ на время, была политика Витовта. Съ одной стороны, обширные его планы на востокъ, притязанія на Новгородъ, особенно предполагавшаяся борьба съ татарами, побуждали его обезопасить себя съ запада. Съ другой стороны, натянутыя отношенія къ Польшѣ, особенно къ королевѣ Ядвига, заставляли Витовта искать союзниковъ среди близкихъ сосѣдей. Результатомъ этихъ причинъ была уступка Жмуди Прусскому ордену въ Салинскомъ договорѣ 1398 г. ¹⁾, то-есть, наканунѣ битвы при Ворсклѣ.

Но уступка эта была вынужденная обстоятельствами, не добровольная. Какъ только миновала опасность со стороны татаръ и состоялось сближеніе Литвы съ Польшей послѣ смерти Ядвиги, Витовтъ мѣняетъ свое поведеніе въ вопросѣ о Жмуди. Жалобы жмудиновъ на притѣсненія рыцарей находили въ немъ полное сочувствіе, и онъ спѣшилъ передавать эти жалобы западно-европейскимъ государямъ ²⁾. Вновь воздвигаемые рыцарями замки въ Жмуди кололи ему глаза. Воспользовавшись удобнымъ случаемъ распри ордена съ Дерптскимъ епископомъ (котораго онъ же побудилъ вступить въ открытое столкновеніе съ рыцарями), онъ разрушилъ весною 1401 г. нѣсколько такихъ замковъ, а гарнизонъ увелъ въ плѣнъ. Рыцари истили за эту измѣну тѣмъ, что приняли Свидригайла (который бѣжалъ изъ Литвы, поссорившись съ Витовтомъ и Ягайломъ). Но дѣло еще не дошло до разрыва. Несогласія съ Новгородомъ и Псковомъ, возмутившіеся смоляне и князь ихъ Юрій Святославичъ отвлекли вниманіе и силы Витовта, который стремился подчинить себѣ окончательно Смоленскъ. Поэтому 23-го мая 1404 г. въ Раданжскомъ договорѣ онъ вновь подтвердилъ уступку Жмуди ордену, при чемъ Ягайло ручался за Витовта ³⁾.

¹⁾ Cod. ep. Vitoldi, 51 и сл.

²⁾ Cod. ep. Vitoldi, 75.

³⁾ Cod. ep. Vitoldi, 96. Supplem. ad historiae Russiae monumenta. С.-Пб. 1848, 291. *Prochaska*, Przed Grunwaldem, 55. *Барбашевъ*, Витовтъ и его политика до Грюнвальденской битвы. С.-Пб. 1885, 109, 122.

Лѣтомъ 1405 г. рыцари двинулись на покореніе уступленной имъ Жмуди. Витовтъ вполнѣ сдержалъ обѣщаніе и пришелъ на помощь нѣмцамъ съ цѣлою арміею, состоявшею изъ полковъ литовскихъ, кievскихъ, смоленскихъ, полоцкихъ и другихъ. Ягайло тоже прислалъ нѣсколько отрядовъ¹⁾. Видя такія огромныя силы, жмудины не оказали никакого сопротивленія и приняли подданство ордену. Въ присутствіи Витовта, польскихъ пословъ и литовскихъ бояръ маршалъ ордена и назначенный правителемъ Жмуди рыцарь Кухмейстеръ далъ устное обѣщаніе соблюдать права и привилегіи жмудскаго населенія. Рыцарямъ предоставлено было строить въ Жмуди укрѣпленныя замки для утвержденія вѣры, а Витовтъ получилъ право переселить изъ Жмуди въ Литву 250 жмудиновъ. Витовтъ помогъ еще рыцарямъ построить крѣпость Кенигсбургъ и затѣмъ возвратился съ войскомъ въ Литву. Послѣ его ухода жмудины вздумали было возстать, но гарнизонъ новыхъ нѣмецкихъ крѣпостей и угрозы самого Витовта принудили ихъ къ полному повиновенію. Наконецъ, когда рыцари потребовали отъ жмудиновъ заложниковъ, а тѣ было воспротивились, Витовтъ опять заставилъ ихъ исполнить требованіе великаго магистра. Переписка Витовта съ орденомъ объясняетъ такую необыкновенную услужливость Литовскаго князя по отношенію къ рыцарямъ. Изъ этой переписки видно, что Витовтъ въ свою очередь нуждался въ содѣйствіи ордена при столкновеніяхъ съ Смоленскимъ княземъ Юріемъ Святославичемъ, Новгородомъ, Псковомъ, а позднѣе и съ Москвою. И орденъ оказалъ это содѣйствіе: великій магистръ ни съ чѣмъ отправилъ смоленскихъ пословъ Юрія Святославича, просившихъ о помощи, объявилъ Пскову чрезъ Ливонскаго магистра, по желанію Витовта, о заключеніи Рацяньскаго договора, то-есть, о союзѣ Витовта съ орденомъ и, наконецъ, помогалъ Витовту въ походахъ на Москву. Вообще Жмудь обходилась ордену нesма не дешево. Испокорность и постоянная готовность жмудиновъ къ возстанію заставляли рыцарей дѣйствовать въ широкихъ размѣрахъ подкупомъ, содержать многочисленныхъ лазутчиковъ, возводить укрѣпленія. Ни въ одну область не отправлялось столько денегъ изъ прусской казны, сколько въ Жмудь. Безпокойство увеличивалось еще тѣмъ, что Витовтъ постоянно вмѣшивался въ жмудскія дѣла, вступаясь за жмудиновъ. Такъ, когда нѣмцы пригрозили жмудинамъ наказать ихъ за неповиновеніе оружіемъ, Витовтъ выразилъ сильное неудовольствіе, и правитель Жмуди

¹⁾ *Prochaska, Przed Grunwaldem*, 62.

Михайль Кухмейстеръ извинялся и успокаивалъ его, объясняя, что это была только угроза ¹⁾).

Когда въ мартѣ 1407 г. умеръ великій магистръ Конрадъ Юнгингенъ и его замѣнилъ его братъ Ульрихъ, на Жмуди возобновились волненія, и къ этому именно времени относится жалоба жмудиновъ на притѣсненія вѣмцевъ, обращенная къ западно-европейскимъ государямъ ²⁾). По всей вѣроятности, это произошло не безъ нѣкотораго тайнаго участія Витовта, хотя, по видимому, отношенія Витовта къ новому магистру, не смотря на обострившіяся отношенія послѣдняго къ Польшѣ изъ-за Дрезденка, были вначалѣ очень дружественныя, и Витовтъ продолжалъ помогать Михайлу Кухмейстеру въ постройкѣ крѣпости Дубиссы. Обѣ стороны помогали другъ другу въ войнахъ съ русскими: Витовтъ—ливонскому магистру въ походахъ на Псковскую землю, а рыцари—Витовту въ походахъ на Москву. Безпокоили рыцарей особенно дружественныя въ это время отношенія Витовта къ Ягайлу, съ которымъ великій магистръ окончательно расходился въ вопросѣ о Дрезденкѣ. Уже на съѣздѣ въ Ковнѣ въ 1408 году Витовтъ высказался по вопросу о Дрезденкѣ въ пользу поляковъ. Справедливо не полагаясь на прочность Витовтовой дружбы при такихъ обстоятельствахъ, рыцари желали устранить, по крайней мѣрѣ, поводъ къ его вмѣшательству въ жмудскія дѣла. Съ этою цѣлью по порученію великаго магистра староста Жмудскій проситъ Витовта вывести наконецъ изъ Жмуди принадлежащихъ ему 250 жмудиновъ, чтобъ орденъ могъ наконецъ знать опредѣленно, что всѣ оставшіеся—уже его подданные. Но Витовтъ уклонился отъ исполненія этой просьбы, отговариваясь, что еще успѣетъ это сдѣлать ³⁾).

Въ виду враждебныхъ отношеній къ Польшѣ, орденъ особенно спѣшилъ подавить окончательно непокорный духъ жмудиновъ. Крѣпость строилась за крѣпостью: съ 1405 г. было построено уже 5 крѣпостей. Недовольные жмудины, не будучи въ состояніи оказывать какое-нибудь сопротивленіе, бѣжали въ Литву къ Витовту. Въ началѣ 1409 г. великій магистръ отправилъ къ Витовту пословъ: старосту Жмудскаго Михаила Кухмейстера и командора Бранденбургскаго Сульцбаха. Они должны были просить Витовта о выдачѣ бѣжавшихъ къ нему жмудиновъ, напомнить ему еще разъ о выводѣ принадлежа-

¹⁾ Ibidem, 68—80.

²⁾ Ibidem, 82.

³⁾ Cod. ep. Vitoldi, 977 и слѣд., 77.

шихъ ему 250 жмудиновъ и побудить его къ принатію мѣръ для затрудненія перехода литовцевъ въ Жмудь и обратно жмудиновъ въ Литву, чтобы устранить поводы къ недоразумѣніямъ. Съ этого момента начинаются открытыя прѣречанія Витовта съ орденомъ. Сначала Витовтъ рѣшительно и рѣзко отказался выдать бѣглыхъ жмудиновъ; затѣмъ объявилъ, что готовъ выдать жмудскихъ хлоповъ, а бояръ не выдастъ, а кто изъ бѣжавшихъ въ Литву жмудиновъ—бояринъ, кто—хлопъ, пусть разбираютъ сами жмудины. Объяснялъ Витовтъ такое рѣшеніе тѣмъ, что уступилъ ордену только землю жмудскую съ прикрѣпленными къ ней хлопами, а бояръ, какъ людей свободныхъ, вовсе не уступалъ ордену. Послѣ тщетныхъ попытокъ измѣнить такое рѣшеніе князя, нѣмецкіе послы просили его, чтобы онъ запретилъ, по крайней мѣрѣ, литовцамъ ѣздить въ Жмудь. Нѣсколько времени спустя, орденъ запретилъ жмудинамъ ѣздить въ Литву и продавать туда хлѣбъ, а литовцевъ, жившихъ въ Жмуди, выслалъ изъ нея. И тѣ, и другіе подняли жалобы. Ковенскій комендантъ Сунгайло вступился за литовцевъ и вошелъ въ переписку по этому поводу съ Жмудскимъ старостою. Жмудскій староста настаивалъ на своемъ и требовалъ отъ комендантовъ Виленскаго и Ковенскаго, чтобы бѣсъ ихъ пропуска никто изъ литовскихъ подданныхъ не могъ прѣвѣжать въ Жмудь. Тогда самъ Витовтъ жаловался великому магистру на такое требованіе Жмудскаго старосты. Объяснялъ, что въ Литвѣ — недостатокъ хлѣба, который литовцы обыкновенно покупали въ Жмуди; что получение пропуска отъ комендантовъ Виленскаго и Ковенскаго для мѣстныхъ жителей очень затруднительно, ибо оба коменданта часто сопровождаютъ князя въ походахъ и разѣздахъ въ отдаленныхъ странахъ.

Черезъ нѣсколько времени — 21-го апрѣля 1409 г. прибыло къ Витовту для окончательнаго рѣшенія жмудскаго вопроса новое посольство, состоявшее изъ маршала ордена, командора Бранденбургскаго и командора Рагнети. Рѣчь опять шла о 250 жмудинахъ, которыхъ Витовтъ долженъ былъ вывести въ Литву, и о запрещеніи переѣзжать литовцамъ и жмудинамъ границу безъ особаго пропуска. Витовтъ сердился, отвѣчалъ посламъ очень рѣзко. Въ свою очередь командоръ Бранденбургскій Марквардъ Сульцбахъ, бывшій прежде другомъ Витовта, напомнилъ ему о троекратной измѣнѣ ордену и намекнулъ, что, вѣроятно, теперь онъ дѣйствуетъ подъ вліяніемъ Польши. Кромѣ того, осыпая Витовта разными другими упреками, онъ непочтительно отозвался о поведеніи его матери Бируты.

Однимъ словомъ, Витовтъ окончательно разсорился съ послами и немедленно отправилъ къ великому магистру свое посольство съ жалобою на дерзость Сульцбаха. Великій магистръ чрезъ это посольство просилъ Витовта не принимать близко къ сердцу словъ командора, сказанныхъ имъ отъ себя и, въ свою очередь, упрекалъ Витовта въ рѣзкомъ обращеніи съ орденскими послами. Переписка о поступкѣ Сульцбаха и о Жмуди, хотя и велась дѣятельно обѣими сторонами, не привела ни къ чему. Витовтъ былъ враждебно настроенъ противъ ордена, и литовцы, проникавшіе въ Жмудь, вопреки запрещеніямъ ордена, распространяли тамъ вѣсти о неудовольствіи Литовскаго великаго князя противъ нѣмцевъ.

Жмудскій староста, встревоженный настроеніемъ мѣстнаго населенія, просилъ (20-го мая 1409 г.) у великаго магистра инструкціи, какъ ему поступать въ этомъ положеніи. Какъ бы въ отвѣтъ на это великій магистръ приказалъ тайно задержать суда съ хлѣбомъ, которыя были отправлены изъ Польши въ Литву и доплыли уже до Рагнеты. Жмудь ставилась на военную погу; поправлялись и укрѣплялись замки, рыцари готовились къ войнѣ. Число перебѣжчиковъ въ Литву увеличивалось, на что Жмудскій староста жаловался Витовту, но не получалъ никакого удовлетворенія. Мало того, литовскій бояринъ Румпольдъ съ вооруженною силою вторгнулся въ Жмудь и захватилъ два уѣзда. На жалобу Жмудскаго старосты по этому поводу Витовтъ отвѣчалъ, что это нападеніе Румпольда произошло безъ его вѣдома, обѣщалъ сдѣлать ему выговоръ и иронически предлагалъ наказать всѣхъ нападавшихъ литовцевъ, если Жмудскій староста представитъ ихъ списокъ. Между тѣмъ Витовтъ не переставалъ энергично возбуждать жмудиновъ къ возстанію. Въ началѣ іюня 1409 года два литовскихъ боярина Гейлеминъ, сынъ Надама, и Трумппе, сынъ Саготта, съ вооруженными отрядами, появились въ разныхъ уѣздахъ Жмуди и вездѣ говорили, что Витовтъ велитъ воевать съ нѣмцами. Такіе послы отправлялись Витовтомъ въ Жмудь чуть не каждый день. Въ отвѣтахъ на жалобы Жмудскаго старосты Витовтъ отпирался отъ своего участія. На просьбу великаго магистра дать совѣтъ, какъ поступать въ Жмуди, Витовтъ отвѣчалъ рѣзкимъ отказомъ, говоря, что все равно его совѣтамъ не слѣдуютъ.

9-го іюня 1409 года пріѣхало въ Пруссію польское посольство съ жалобами по вопросу о Дрезденкѣ и Сантовѣ. На эти жалобы великій магистръ велѣлъ приготовить письменные отвѣты, а пока уговаривалъ поляковъ отнюдь не поддерживать жмудиновъ и тѣхъ, кто

ихъ подбилъ къ возстанію. А въ это время литовскіе бояре (Васибуть, Клавсигаиль, Гетоть, Галеминне) съ Румпольдомъ во главѣ овладѣли Жмудью и знатнѣйшихъ боярскихъ дѣтей (напримѣръ, сыновей Нигаilla, Лауксвида, Аргалла) отослали заложниками въ Литву. Боярина Румпольда Витовтъ назначилъ правителемъ Жмуди. Замки рыцарей, окруженные враждебною силою, очутились въ критическомъ положеніи. Изъ Литвы приходили въ Пруссію извѣстія о приготовленіяхъ Витовта къ войнѣ. На запросъ рыцарей о причинѣ вооруженныхъ приготовленій, литовцы отвѣчали, что великій князь готовится къ походу на Русь; но рыцари, конечно, ясно понимали, что вооруженія готовятся противъ нихъ ¹⁾. Въ Литву пріѣхали знатнѣйшіе жмудскіе бояре съ заявленіемъ подданства Витовту и съ просьбою о помощи противъ нѣмцевъ. Сначала они представлялись князю въ Ковнѣ; здѣсь было въ то время много нѣмцевъ, и потому Витовтъ, для виду, съ крикомъ бранилъ жмудиновъ за нарушеніе вѣрности рыцарямъ. Но тайно велѣлъ имъ ѣхать въ Вильну, гдѣ и заключилъ съ ними условіе помогать другъ другу всѣми силами въ случаѣ нападенія рыцарей на Жмудь или на Литву. Одинъ изъ рыцарей, бывшихъ въ Ковнѣ, узналъ, что Витовтъ очень старается побудить Польскаго короля къ войнѣ съ орденомъ, и что уже условился съ нимъ о мѣстѣ и времени свиданія для обсужденія этого вопроса. Тотъ же рыцарь сообщалъ, что въ Литвѣ—значительныя силы татаръ, но для чего онѣ собраны, не извѣстно ²⁾.

Ясно было, что война между Литвою и орденомъ неизбѣжна. Для рыцарей весьма важно было, конечно, удержать Польшу отъ вмѣшательства въ эту распрю. Съ этою цѣлью къ Польскому королю были посланы два командора. Они жаловались Ягайлу и польскимъ панамъ на вѣроломство Витовта, который возбудилъ возстаніе въ Жмуди и хочетъ ее присвоить; просили поляковъ, чтобы они не помогали литовцамъ. Со стороны поляковъ отвѣтъ былъ данъ уклончивый—говорили, что подумаютъ, какъ для Польши будетъ полезнѣе, и обѣщали сообщить рѣшеніе въ день св. Алексѣя. Между тѣмъ жмудины и литовцы овладѣвали рыцарскими замками однимъ за другимъ; магистръ отправлялъ къ Ягайлу посла за посломъ, но получалъ одинъ отвѣтъ: въ день св. Алексѣя.

¹⁾ *Prochaska*, Przed Grunwaldem, 81—118. Cod. ep. Vitoldi, 166, 172, 174, 175, 180, 181, 983.

²⁾ Cod. ep. Vitoldi, 182, 183, 186, 187.

Захватъ судовъ съ хлѣбомъ не могъ, конечно, долго оставаться тайной. Это насиліе скоро сдѣлалось извѣстнымъ и въ Польшѣ, и въ Литвѣ и подлило масла въ огонь. Витовтъ послалъ магистру письмо, полное упрековъ. Онъ писалъ, что, сообщая раньше магистру о голодѣ въ Литвѣ, надѣялся получить и отъ него помощь хлѣбомъ, а онъ напротивъ задержалъ даже польскій хлѣбъ, отправленный въ Литву. Упрекалъ еще магистра за невыдачу литовскихъ бѣглыхъ, за недопущеніе литовцевъ въ Жмудь и проч. Въ отвѣтъ на это магистръ сталъ готовиться къ войнѣ, но старался держать пока свои приготовления тайнѣ. Тѣмъ не менѣе это стало извѣстнымъ Витовту. Онъ, съ своей стороны, тоже готовился къ войнѣ и собиралъ огромныя силы. Приходили отряды изъ Полоцка, Смоленска, Новгорода, Брянска, Стародуба, Кіева, Луцка, Владиміра, собирались татары, жившіе въ Литвѣ,—и все это придвигалось къ прусскимъ границамъ. Къ христіанскимъ князьямъ былъ изготовленъ манифестъ, обвиняющій рыцарей и объясняющій занятіе Жмуди литовцами.

1-го августа 1409 года въ Мальборгъ прибыли польскіе послы. Магистръ надѣялся, что они привезли благопріятный отвѣтъ—что Польша не будетъ поддерживать Витовта, въ случаѣ войны его съ орденомъ. Но онъ ошибся. Поляки начали съ того, что стали предлагать свое посредничество, свои услуги для прекращенія несогласія между великимъ магистромъ и великимъ княземъ Литовскимъ. Отъ имени Ягайла послы просили рыцарей не нападать на Жмудь до рѣшенія спора, обѣщая съ своей стороны побудить Витовта вывести изъ Жмуди своихъ каштелановъ и впредь не защищать жмудиновъ. Магистръ отвѣчалъ, что въ спорѣ съ Витовтомъ онъ готовъ принять посредничество короля, но наказывать жмудиновъ онъ имѣетъ полное право, и до этого нѣтъ никакого дѣла ни Ягайлу, ни Витовту; что онъ непремѣнно со всею силою обрушится на мятежныхъ жмудиновъ и на ихъ подстрекателей. Польскіе послы не ожидали такой угрозы и не имѣли инструкціи, какъ отвѣчать при подобныхъ обстоятельствахъ. Но архіепископъ Николай Куровскій рѣшился отвѣчать на свой страхъ; нѣкоторые, впрочемъ, думаютъ, что онъ имѣлъ тайное наставленіе отъ Ягайла, который желалъ войны. Куровскій объявилъ магистру, что въ такомъ случаѣ онъ боится, что Ягайло приметъ сторону Витовта, и ордену будетъ угрожать большая опасность. „Благодарю за откровенность“, отвѣчалъ магистръ,—„будучи преждемъ, я обращу свой мечъ лучше на голову, чѣмъ на туловище,

на заселенныя земли, вмѣсто пустыни—однимъ словомъ—на Польшу, вмѣсто Литвы*.

Намѣреніе магистра напасть вмѣсто Литвы на Польшу основывалось на военныхъ и политическихъ расчетахъ. Польша не была приготовлена къ войнѣ; Витовтъ, напротивъ, ожидалъ нападенія уже вполне готовымъ, заручившись при томъ безопасностью и отчасти содѣйствіемъ со стороны восточныхъ сосѣдей. Со Псковомъ онъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ, въ Новгородѣ сидѣлъ его подручникъ Ливгвенъ, съ Московскимъ княземъ у него былъ союзъ. Къ магистру безпрерывно приходили извѣстія, что Витовтъ стягиваетъ къ границѣ отрядъ за отрядомъ.

6-го августа магистръ послалъ королю объявленіе войны; 8-го—оно было обнародовано, а чрезъ нѣсколько дней сильное рыцарское войско уже стояло на границахъ Добржинской земли ¹⁾.

Предвидя неминуемое столкновение, обѣ стороны, конечно, заботились войти въ наилучшія отношенія къ сосѣдямъ. Въ этомъ случаѣ политика ордена была болѣе искусна или, лучше сказать, болѣе щедря; рыцари заключили или, вѣрнѣе, купили союзъ съ сильнѣйшими изъ сосѣдей: съ Германіей, Венгріей и Чехіей. Но эта дипломатическая удача не принесла ордену почти никакой практической пользы вслѣдствіе безхарактерности и ничтожности и короля Венгерскаго Сигизмунда (онъ же—блюститель императорскаго престола въ Германіи), и брата его короля Чешскаго Венцеслава.

Принимая во вниманіи характеръ Сигизмунда вообще и въ частности его дѣйствія послѣ заключенія упомянутаго союза съ орденомъ, можно съ увѣренностью сказать, что онъ заключилъ этотъ союзъ не вслѣдствіе какихъ-нибудь политическихъ соображеній, а только потому, что ему нужны были деньги. Шайноха, упомянувъ о тицеславѣ, легкомыслии, безнравственности Сигизмунда, характеризуетъ его дажѣ такъ: „Но едва ли не самую упитательною чертою его характера была безразсуднѣйшая расточительность, которой не могутъ скрыть даже самыя ревностныя его почитатели. Она-то и побудила его открыть венгерскія границы главнымъ слугамъ безпорядочности и расточительности—евреямъ, изгнаннымъ оттуда королемъ Людовикомъ. Бросая несмѣтныя суммы на излишнія празднества, на постоянныя путешествія, на подарки своимъ пріятельницамъ и

¹⁾ *Prochaska*, Przed Grunwaldem, 123 — 135. Cod. ep. Vitoldi, 983 и слѣд. 181. 192, 986 и слѣд.

пріателямъ, въ родѣ испанскаго шута, Сигизмундъ падалъ подѣ тяжелымъ бременемъ долговъ, которые дѣлались непрерывно и обезпечивались залогомъ или непоимѣнными процентами. Чтѣ только, по мнѣнію тогдашнихъ ломбардовъ, могло имѣть цѣнность, все было принесено въ жертву страсти къ расточительности. Лишь только присылались какіе-либо дорогіе подарки отъ другихъ дворовъ,—лишь только, на примѣръ, англійскій графъ Варвикъ подарилъ ему двѣ позолоченныя миски, стоявшія 18 гривенъ серебра, а король Англійскій— двѣ чаши изъ чистаго золота, вѣсившія 44 гривны серебра и золота,—, тотчасъ же король Сигизмундъ (разказываетъ его біографъ) ¹⁾ приказалъ мпѣ, Эбергарду Виндеку, заложить ихъ вмѣстѣ съ другими золотыми драгоцѣнностями во фландрскомъ городѣ Брюсселѣ. Я заложилъ ихъ за 18000 золотыхъ“. Когда недоставало подарковъ и драгоцѣнностей, самъ секретарь и біографъ должны были идти въ залогъ. Однажды Сигизмундъ принужденъ былъ отдать въ залогъ своихъ племянниковъ ²⁾, князей Прокопа и Юдока... Даже во внѣшней политикѣ всѣ его шаги паправлялись предполагаемыми денежными взносами. Всего обильнѣе вознаграждалась продажность изъ сокровищницъ крестоносцевъ, особенно когда ордену необходима была помощь императора противъ поляковъ. „Я Эбергардъ Виндекъ“, разказываетъ его неопѣянный біографъ,—,самъ помогалъ ³⁾ считать эти деньги, 40000 золотыхъ съ большими лиліями, чекашенины во времена Людовика и Рупрехта“; этимъ прусскіе рыцари хотѣли купить милость и помощь императора въ гринвальдской войнѣ... Мы отовсюду слышимъ жалобы на хищничество Сигизмунда. Одна изъ самыхъ памятныхъ жалобъ слышится изъ устъ его родного брата Венцеслава, который въ горестныхъ письмахъ своихъ упрекалъ Сигизмунда, что онъ подѣ разными предлогами вымогалъ отъ него огромныя суммы денегъ. „И не смотря на то, ничего для насъ не сдѣлалъ“, жалуется далѣе Чешскій король... ⁴⁾

Точно также, даже еще хуже, поступилъ теперь Сигизмундъ съ рыцарями. По договору, заключенному съ орденомъ противъ Польши 20-го декабря 1409 г., Сигизмундъ обязанъ былъ начать войну противъ поляковъ, если въ войска послѣднихъ будутъ призваны языч-

¹⁾ *Eberhard Windock* у *Mencken*, *Scriptores rerum germanicarum*, I, 1113.

²⁾ *Palzel*, *Lebensgesch. K. Venzesl. I*, 200.

³⁾ *Aschbach*, *Gesch. Kaiser Sigmunda*, I, 457.

⁴⁾ *Palzel*, *Lebensgesch. K. Venzesl. II*, 488—490. *Шайноха*, I, 418—420. *Szajnoch*, *Dziela*, V. Warszawa 1877, стр. 261 и сл.

ники или русскіе. Между тѣмъ, не смотря на то, что значительную часть польско-литовскаго войска въ походѣ 1410 г. составляли русскіе и были также татары, Сигизмундъ не началъ войны съ Польшей, а ограничился дипломатическимъ вмѣшательствомъ. Да и это вмѣшательство съ самаго начала было очень перѣшительное, а затѣмъ передъ самою битвой даже нѣсколько вѣроломное¹⁾. Можно указать развѣ только на попытку Сигизмунда въ Кесмаркѣ отдѣлить Витовта отъ Ягайла, предложивъ ему независимую королевскую корону. Еслибы эта попытка удалась, то, конечно, Сигизмундъ оказалъ бы этимъ большую услугу ордену. Но попытка эта не удалась, что и неудивительно, такъ какъ въ виду предстоящей борьбы съ орденомъ Витовту вовсе не время было ссориться съ Польшей. Дѣло происходило такъ.

Ягайло, узнавъ о желаніи Сигизмунда видѣться съ нимъ въ Кесмаркѣ, совѣщался по этому поводу въ Новомъ Сандешѣ (Судечѣ) въ западной Галиціи²⁾ съ Витовтомъ и панами. Здѣсь было рѣшено, что обоимъ, Ягайлу и Витовту, ѣхать въ Кесмаркъ неудобно. Ягайло остался въ Новомъ Сандешѣ, а Витовтъ со свитою изъ прелатовъ и пановъ отправился въ Кесмаркъ. Главная цѣль этой поѣздки была—убѣдить Сигизмунда, при столкновеніи Польши и Литвы съ орденомъ, сохранять съ Польшей миръ, который былъ заключенъ на 16 лѣтъ, до истеченія которыхъ оставалось еще четыре года. Когда въ Кесмаркѣ начались объ этомъ переговоры, Сигизмундъ объявлялъ, что онъ не можетъ соблюдать вышеупомянутаго перемирія въ случаѣ, если орденъ подвергнется нападенію; но предложилъ свое посредничество и обѣщавъ послать къ великому магистру чрезвычайныхъ пословъ для устраненія возникшихъ недоразумѣній. А потомъ, бесѣдуя съ Витовтомъ наединѣ, сталъ предлагать ему вступить съ нимъ, Сигизмундомъ, въ союзъ, отдѣлившись отъ Польши. За это Сигизмундъ обѣщавъ своею императорскою властью (вслѣдствіе легкомыслія Венцеслава онъ былъ избранъ регентомъ Германской имперіи, послѣ смерти Рупрехта Баварскаго) возвести Витовта въ королевское достоинство, освободить отъ всякой зависимости отъ Польши и оказывать ему, въ случаѣ нужды, помощь и противъ Ягайла, и вообще противъ всѣхъ враговъ. Витовтъ сдѣлалъ видъ, что не отвергаетъ

¹⁾ Cod. ep. Vitoldi, 204. *Raczyński*, Cod. dipl. Lith., 107. *Caro*, Gesch. Poles, III, 305. *Dlugosz*, XI, 29.

²⁾ *Головацкий*, Географическій словарь западно- и юго-славянскихъ земель. Вильна 1884, стр. 306, 307.

этого предложенія, но, разставшись съ Сигизмундомъ, немедленно, не простившись, выѣхалъ изъ Кесмарка. Король, узнавъ объ этомъ, догналъ его и простился, но не возобновлялъ уже прежняго разговора. Возвратясь въ Новый Сандешъ, Витовтъ передалъ Ягайлу весь свой разговоръ съ Венгерскимъ королемъ; а затѣмъ, переговоривъ еще о предстоящей войнѣ съ рыцарями, отправился въ Ляту ¹⁾.

Такимъ образомъ попытка Сигизмунда кончилась ничѣмъ. Его участіе теперь ограничивалось посредничествомъ. Сначала онъ самъ хотѣлъ ѣхать для переговоровъ въ Пруссію чрезъ Польшу и получилъ уже отъ Ягайла охранную грамоту для проѣзда, но потомъ раздумалъ и отправилъ вмѣсто себя пословъ Николая фонъ-Гара и Стибора фонъ-Стиборжица. Побывавъ въ Краковѣ, они отправились въ Маріенбургъ, гдѣ ихъ дѣятельность начала проявляться уже послѣ начала военныхъ дѣйствій. Они способствовали заключенію перемирія, а 5-го іюля, явившись въ польскій лагерь, пробовали даже устроить миръ, но безъ всякаго успѣха. И наконецъ отправили Ягайлу отъ имени Венгерскаго короля объявленіе войны. По видимому, такимъ образомъ Сигизмундъ исполнялъ свое обязательство относительно ордена; но это было на словахъ, да и то только въ официальномъ сообщеніи; а одновременно съ этимъ официальнымъ сообщеніемъ, привезшій его посолъ самъ же конфиденціально сообщилъ королю Польскому, что это объявленіе войны Сигизмундъ дѣлаетъ только для виду, и оно не имѣетъ значенія ²⁾.

¹⁾ Свиданіе это происходило, по всей вѣроятности, въ апрѣлѣ 1410 г. Длугошъ и Эбергардъ Виндекъ расходятся въ опредѣленіи времени. По Длугошу съездъ въ Кесмаркѣ былъ на Пасхѣ (въ апрѣлѣ), а по Виндеку—въ началѣ февраля. О нѣкоторыхъ данныхъ, говорящихъ въ пользу того или другаго срока, см. *Caro*, III, 311 пр. 1. И Длугошъ, и Виндекъ разказываютъ, что во время пребыванія Витовта въ Кесмаркѣ случился пожаръ, отъ котораго много потеряли поляки. Виндекъ еще прибавляетъ, что Витовту угрожала при этомъ опасность быть убитымъ венгерцами (можетъ быть, оттого, что пожаръ могъ произойти отъ неосторожности его людей). Далѣе Виндекъ даетъ интересный перечень подарковъ Витовта и Анны Сигизмунду и Варварѣ. *Długosz*, XI, 5—7. Отрывокъ изъ *Виндека*—у *Малиновскаго*, въ изданіи хроника Валовскаго I, 197, пр. 1; у *Aschbach*, *Gesch. Kaiser's Sigismund*, I, 455, Beilage XVIII.

²⁾ *Długosz* XI, 29: „Suggestis Fricz, nuntius Wladislaw Regi nomine baronum Hungariae, ad partem, quatenus diffidationem Hungariae Regis Sigismundi pro nihilo penderet, cum diffidationum suarum literae caro satis pretio, quadraginta videlicet millibus florenorum, per Magistrum et Ordinem Cruciferorum apud illos comparatae, ad terrorem tantummodo confectae, nullum forent effectum pariturae. Animat deinde Regem: ut coeptum, quolibet terrore circumscripto continuet, et

Усердиѣе, но такъ же бесплодна была услуга другаго союзника ордена—Венцеслава, короля Чешскаго. Въ февралѣ 1410 г. въ Прагѣ въ присутствіи польскихъ пословъ Венцеславъ произносилъ свое рѣшеніе въ прусско-польскомъ спорѣ. Жмудъ, Дрезденко и Санктокъ опъ присудилъ ордену, только Добржинскую землю отдавалъ Польшѣ, но и то съ условіемъ, чтобы она находилась подъ чешскимъ управленіемъ до тѣхъ поръ, пока не будутъ выполнены всѣ пункты его приговора. Когда же поляки скромно отвѣчали, что этотъ приговоръ они должны представить прежде на усмотрѣніе своего короля, Венцеславъ совершенно некстати закричалъ: „Мы видимъ теперь, что вы—короли Польши, а не вашъ господинъ; если вы хотите войны, то увидите меня и брата моего, короля Венгерскаго, на сторонѣ ордена“. Поляки выѣхали немедленно изъ Праги; и когда Венцеславъ назначилъ новый сѣздъ въ Бреславлѣ въ маѣ, для ратификаціи своего приговора, то поляки вовсе не явились, и рыцари получили ничего не стоющій пергаментъ съ приговоромъ Венцеслава ¹⁾.

Кромѣ Сигизмунда Венгерскаго и Венцеслава Чешскаго, къ союзникамъ ордена принадлежали нѣкоторые поморскіе князья, силезскіе князья и Свидригайло. Послѣдній, впрочемъ, находился въ заключеніи у Витовта и слѣдовательно былъ совершенно бесполезенъ для рыцарей. На сторонѣ Польши и Литвы стояли князь Мазовецкій Земовитъ и князь Поморскій Богуславъ ²⁾.

Военныя дѣйствія, какъ обыкновенно, начались опустошеніемъ непріятельскихъ земель, осадю небольшихъ городковъ; нѣсколько разъ они прерывались перемиріемъ. Наконецъ враждебныя арміи сошлись между Танненбергомъ и Грюнвальдомъ. Здѣсь произошла рѣшительная битва.

Польско-литовское войско на Грюнвальдскомъ полѣ состояло изъ 90 знаменъ ³⁾. Каждое тогдашнее знамя заключало въ себѣ не болѣе 200 всадниковъ и 800 пѣхотинцевъ; обыкновенно же при знамени было около половины этого числа. Слѣдовательно, все польско-литов-

cum Cruciferis, qui viribus, gentibus, armis et qualibet conditione dignoscuntur inferiores, quanto celerius congregari non differat, certam victoriam propitiatione divina, habiturum; asserens, Hungariae barones non Magistri et Ordinis, sed Regis sui Sigismundi et propriis commodis, in eam diem vacavisse“.

¹⁾ *Script. rer. prus.* III, 311 и сл. (I. Posilge), *Caro*, III, 309.

²⁾ *Script. rer. prus.* III, 303 (J. Posilge). *Cod. ep. Vitoldi*, 211.

³⁾ *Długoss*, XI, 37.

ское войско, съ прибавленіемъ всѣхъ находившихся при обозѣ, не могло превышать 100,000 ¹⁾. Изъ этихъ 90 знаменъ 50 составляли польское войско, а 40 литовское. Въ числѣ знаменъ польскаго войска кромѣ собственно польскихъ, были слѣдующія русскія (то-есть, при нихъ стояли отряды изъ русскихъ областей): Львовское (12-е по счету Длугоша), Перемышльское (14), Холмское (16), три Подольскихъ знамени (17, 18, 19), Галицкое (20) ²⁾, то-есть, всего 7 русскихъ знаменъ. Затѣмъ въ литовскомъ войскѣ, если исключить 3 или 4 жмудскихъ и собственно литовскихъ знамени (Ковенское, Троковское, Виленское, отчасти Гродненское, при которыхъ, конечно, были и русскіе отряды, такъ какъ, напримѣръ, въ самой Вильнѣ болѣе половины жителей составляли русскіе), то всѣ остальные (36) приходятся на русскія области, входившія въ составъ Литовскаго княжества: Лидское, Мѣдниковское, Смоленское, Полотское, Витебское, Кіевское, Пинское, Новогрудское, Брестское, Волковыское, Дрогичинское, Мельницкое, Кременецкое, Стародубское и др. Нѣкоторыя знамена назывались не по мѣстности, а по имени князя, напримѣръ, знамя Сигизмунда Корибута (сына Дмитрія Корибута Новгородъ-Сѣверскаго), Симеона Лингвена (изъ Великаго Новгорода) ³⁾. Такимъ образомъ изъ числа всѣхъ 90 знаменъ польско-литовскаго войска 43 (7—въ польскомъ и 36—въ литовскомъ) были русскія. Слѣдуетъ еще при этомъ замѣтить, что остальные 43 знамени польскаго войска не состояли исключительно изъ поляковъ; тутъ были и другія народности. Такъ при 4-мъ знамени стояли чехи и мораване подъ начальствомъ Сокола и Збислаука; при 13-мъ (*tergae Wielunensis*), кромѣ поляковъ, были еще сilesкіе наемники; при 49-мъ сражались исключительно одни мораване (*in quo soli Moravi militabant*) ⁴⁾. Подъ 50-мъ знаменемъ стояли только наемныя войска изъ чеховъ, мораванъ и сilesцевъ (*sub quo tantummodo mercenarii milites non ex Polonis, sed ex Bohemis, Moravis et Slesitis*). Слѣдовательно, собственно польскихъ знаменъ, если и не ис-

¹⁾ *Шайноха*, II, 618, 619.

²⁾ О русскомъ элементѣ въ этихъ областяхъ см. Холмская Русь (изд. П. Н. Батюшковымъ). С.-Пб. 1887, 26, 24. Значителенъ былъ русскій элементъ и въ Люблинской области, которая выставила 9-е знамя.

³⁾ *Длугосъ*, XI, 37—42. *Script. rer. prus.*, III, 405 (Aus der Fortsetzung von Detmars Lübischer Chronik in der Hamburger Handschrift): „ok was darto gekommen de konnigk von Neugarde mit den Rusen“. *Stadnicki*, Bracia Wlad. Jagielly, Lwów 1867; 50.

⁴⁾ *Dlugosz*, XI, 41.

включать 13-го, было 40; тогда какъ русскихъ 43. Длугошъ говоритъ, что при знаменахъ литовскаго войска (куда входила большая часть русскихъ знаменъ) ряды были рѣже (*rariores tamen habebant ordines et agma pauciora, quam Polonorum*) и что, кромѣ литовцевъ, русскихъ и жмудиновъ, подъ знаменами Витовта были и татары. Здѣсь онъ, вѣроятно, разумѣетъ только татарскихъ колонистовъ, поселенныхъ въ Литвѣ, которыхъ было, конечно, немного и которые могли быть распредѣлены при литовско-русскихъ знаменахъ. По нѣкоторымъ извѣстіямъ, къ литовскому войску были присоединены еще 30,000 татаръ, пришедшихъ изъ Сарайской орды ¹⁾. Эти татары не были распредѣлены между литовско-русскими знаменами, а составляли отдѣльный отрядъ, который стоялъ на правомъ флангѣ ²⁾.

Такимъ образомъ, принявъ во вниманіе, съ одной стороны, что большая часть русскихъ знаменъ, находившаяся въ литовскомъ войскѣ, имѣла сравнительно съ польскими рѣдкіе ряды, и что между этими знаменами были распредѣлены и литовскіе татары, а съ другой—что русскіе должны были находиться и при собственно литовскихъ знаменахъ и что русскія знамена польскаго войска имѣли густые ряды, можно предположить, что русскихъ въ Таппенбергской битвѣ участвовало приблизительно столько же, сколько поляковъ. Все польско-

¹⁾ *Script. rer. prus.* III, 484 (Conrad Bitschin): „Imo referebatur ab eisdem (то-есть, heroldi et alii viri famosi), quod Tartarorum imperator vel suus marscalcus regi Polonorum et Witoldo cum XXX milibus virorum protunc venerat in subsidium et abinde recessit dumtaxat cum VIII milibus. *Script. rer. prus.* III, 314 (Annalista Thorun.): „imperatore eciam Tartarorum cum populo innumerabili sibi assistentibus“. Тоже говорятъ нѣкоторые германскія хроники, *Script. rer. prus.* III, 431, 459. Только одинъ Анонимъ, изданный *Лемингомъ*, называетъ этого „imperatorem Tartarorum“—Тохтамышемъ (и, кромѣ того, рассказываетъ, что татары ѣли человеческое мясо) см. *Script. rer. prus.*, III, 724. Главный прусскій источникъ для этого времени—Іоаннъ Посяге ничего не говоритъ о татарскомъ царѣ, а упоминаетъ только вообще татаръ. „Der koning... besamelte sich mit den Tatern, Russen, Lettowin und Samaythin weder dy cristinheit“. *Script. rer. prus.*, III, 314. Длугошъ, какъ сказано выше, упоминаетъ только, что въ литовскомъ войскѣ были и татары. Въ письмѣ епископа Познанскаго Андрея къ полякамъ, находившимся при папскомъ дворѣ, прямо говорится, что были только литовскіе татары и польскіе: „tantum subditos suorum dominiorum ei illos paucos, quos frater suus dominus dux Witoldus annis retroactis regis subegit imperio“ *Script. rer. prus.*, III, 428. Позднѣйшія польскія хроники, наиримѣръ, *Вановскій* (wyd. *Malinowski* I, 226), *Вальскій* (*Kronika polska. Warszawa 1764, 254*) упоминаютъ о царѣ заволжскомъ.

²⁾ *Wapowski*, I, 226. *Narbutt*, *Dzije narodu litews.*, VI, 229.

литовское войско, если считать и сарайских татаръ и брать знамена въ увеличенномъ составѣ, никакъ не могло составлять болѣе 130,000. Вѣрнѣе же всего, кажется, брать знамена въ обыкновенномъ составѣ и не считать сарайскихъ татаръ, и тогда получимъ около 50,000. Была и артиллерія, уступавшая впрочемъ рыцарской; но вообще пушки при плохомъ устройствѣ почти вовсе не имѣли значенія ¹⁾.

Прусское войско было значительно меньше. Обыкновенно считаютъ, что изъ орденскихъ земель собственно было выставлено 50,000, и 33,000 составляли наемные, преимущественно германскіе, отряды. Между тѣмъ, по Длугошу, въ битвѣ всего было 51 знами (иѣкоторые изъ нихъ впрочемъ имѣли при себѣ необычайно многочисленныя отряды). Примѣняя здѣсь приблизительно тотъ же расчетъ, какъ въ польскомъ войскѣ, будемъ имѣть около 30,000—цифра наиболѣе вѣроятная. Собственно братьевъ ордена—„бѣлыхъ плащей“ было въ то время въ Пруссіи около 700, которые всѣ и участвовали въ битвѣ, какъ предводители и хозлева. Черные кресты на бѣлыхъ плащахъ орденскихъ братьевъ и кресты на знаменахъ придавали войску характеръ крестоносца, тѣмъ болѣе, что большая часть арміи противниковъ считалась невѣрными. Даже Витовтъ, которому одиннадцать лѣтъ тому назадъ сами рыцари помогали, какъ предводителю крестоваго

¹⁾ *Шаймоха*, II, 618. Такъ какъ современныхъ вѣрныхъ указаній о численности сражавшихся войскъ нѣтъ, то опредѣлить точно количество и польско-литовскаго, и прусскаго войска—нельзя. *Voigt* (*Gesch. Preuss.* VII, 75), основываясь на хроникѣ *Herburt de Fulstein* (XVI в.), считаетъ въ польско-литовскомъ войскѣ 163,000, но самъ же говоритъ, что принимаетъ это указаніе за наимѣннѣе лучшаго. *Weber* (*Preussen vor 500 Jahren*, Danzig 1878, 643), а за нимъ *Horn* (*Tappenberg*, въ *Altpreuss. Monatsschrift*, V. XXII, 1885, 643) совершенно неосновательно, не считая совсѣмъ пѣхоту, будто не принимавшую дѣятельнаго участія въ сраженіи, опредѣляютъ число конницы въ польско-литовскомъ войскѣ около 20,000, а у рыцарей въ 10,000. По *Kohler*'у (II, 694, 674, отчасти тоже основывается на Веберѣ) польско-литовская армія—около 35,000, а прусская—около 14,000 (пѣхоту также не считаетъ). Но на стр. 733, 734 самъ говоритъ что убитыхъ изъцевъ было 12,000, а пленныхъ—15,000, что составляетъ уже 27,000. *Thunert* (*Der grosse Krieg zwischen Polen und dem Deutschen Orden*, въ *Zeitschrift des Westpreussischen Geschichtsvereins*, Heft XVI, Danzig 1886, стр. 55, примѣч. 2), не опредѣляя численности обѣихъ армій, думаетъ, что цифры у *Voigt*'а—слишкомъ преувеличены; но имѣетъ съ тѣмъ справедливо отвергаетъ расчетъ Вебера. Желая какъ можно болѣе собрать слѣдъ, Мгайло обращался за помощью ко многимъ государямъ западной Европы, но безъ успѣха; именно къ Генриху IV, королю Англіи, къ Французскому королю, герцогамъ Мекленбургскимъ и др. *Caro*, III, 312 и примѣч. 2.

похода противъ татаръ, теперь выставялся язычникомъ (напримѣръ, въ письмахъ ордена). Рыцарское войско смотрѣло на предстоящую битву, какъ на борьбу съ невѣрными; такой взглядъ поднималъ его духъ и тѣмъ увеличивалъ силы ¹⁾.

Ночь съ 14-го на 15-е іюля была очень бурная. Была страшная гроза, сопровождавшаяся проливнымъ дождемъ. Вѣтеръ дулъ съ такою силою, что срывалъ палатки ²⁾. Утромъ 15-го сначала тоже шелъ дождь, но скоро небо прояснилось и засіяло солнце. Ягайло велѣлъ поставить на холмѣ палатку, чтобы отслужить обѣдню, а пока любовался съ холма необозримымъ лагеремъ своихъ войскъ, въ которомъ амъ и сямъ видѣлись еще не потушенные костры. Въ это время распространяется въ войскѣ и доходитъ до Ягайла слухъ, что непріятель приближается: войска оживляются, начинаются приготовления, конница поспѣшно садится на лошадей. Король же, сомнѣваясь въ справедливости слуха, спокойно идетъ слушать обѣдню. Прибѣгаетъ съ аванпостовъ одинъ изъ его приближенныхъ и доноситъ, что видѣлъ два непріятельскіе отряда (синеос). Король приказываетъ отправить противъ нихъ четыре или шесть отрядовъ, а самъ продолжаетъ молиться. Въ это время—еще вѣстникъ: непріятель наступаетъ. Тогда король посылаетъ сказать Витовту, чтобы тотъ приготовилъ войско; самъ же, преклонивъ колѣно, молится за себя и за войско. Прибѣгаетъ новый вѣстникъ: „непріятель уже близко, всякое замедленіе—опасно“. Король продолжаетъ молиться и, только окончивъ молитву, даетъ пароль „Краковъ“, „Вильна“ и приказываетъ воинамъ привязывать себѣ пучки соломы, чтобы отличать своихъ отъ непріятеля. Самъ садится на коня, принимаетъ участіе въ устанавливаніи войска и собственноручно посвящаетъ въ рыцари болѣе 1,000 человекъ ³⁾. Польско-литовское войско стояло на болотистой и лѣсистой мѣстности, на югъ отъ деревень Танненберга и Грюнвальда. Зиндрану Манковичу, который былъ назначенъ главнокомандующимъ польской арміей, и Витовту было много хлопотъ разставить войска на удобныхъ мѣстахъ. Витовтъ со своею русско-литовскою арміей и татарами сталъ

¹⁾ *Długosz*, XI, 42—46. *Voigt*, VII, 76, 71. *Шаймоха*, II, 622, 623. О степени участія ливонскихъ рыцарей въ Танненбергской битвѣ см. *Thunert*, 44, примѣч. 6. *Voigt*, VII, 72, примѣч. 2. По видимому, главные ливонскія силы прибыли въ Пруссію послѣ битвы. Ср. *Köhler*, II, 685.

²⁾ *Cronica confictus* въ *Script. rer. prus.*, III, 437. *Długosz*, XI, 56 (на этихъ двухъ источникахъ основано главнымъ образомъ описаніе битвы).

³⁾ *Cronica confictus*, 436. *Długosz*, XI, 48. *Köhler*, II, 720.

на правомъ крылѣ около озера Лаубенъ, ближе къ Танненбергу. Налѣво же отъ него у Людвиговой деревни, расположились поляки, ближе къ Грюнвальду (Grünfelde). Обѣ арміи, какъ сказано выше, состояли изъ отрядовъ, называемыхъ знаменами. Каждое знамя дѣлилось на нѣсколько меньшихъ отрядовъ, а нѣсколько знаменъ вмѣстѣ, особенно въ литовскомъ войскѣ, составляли, по стародавнему обычаю, клинъ. На болѣе узкой передней сторонѣ такого клина стояли лучшіе воины, называемые „передъзнаменными“, такъ какъ знамена были за ними. Въ литовскомъ войскѣ всѣ наружныя стороны клина состояли изъ хорошо вооруженныхъ солдатъ на лучшихъ лошадяхъ, а въ средину же помѣщались плохо вооруженные. И польское, и литовское войска стояли тремя растянутыми линіями; первая называлась передовою, вторая—главною. Между этими тремя линіями было двѣ „улицы“, по которымъ взадъ и впередъ носился Витовтъ, раздавая приказанія. Орденовое войска стояло на возвышенности между Танненбергомъ и Грюнвальдомъ и ожидало нападенія непріятеля, не рѣшалась само наступать въ лѣсистую и болотистую мѣстность ¹⁾.

Прождавъ напрасно до полудня, маршалъ ордена ²⁾ по совѣту свѣдущихъ герольдовъ отправилъ Ягайлу и Витовту два обнаженныхъ меча, какъ вызовъ на битву. Эти мечи принесли въ польскій лагерь герольдъ короля Сигизмунда Румрейхъ и герольдъ герцога Казимира Штеттинскаго. Приведенные къ Ягайлу, они обратились къ нему съ такими словами: „Государь! Магистръ посылаетъ тебѣ этотъ мечъ, а другой мечъ мы должны передать брату твоему Витовту отъ маршала, если только можемъ увидѣть князя лично“. Король послалъ за Витовтомъ, и, когда тотъ подъѣхалъ, герольды передали ему второй мечъ отъ имени маршала. Затѣмъ держали такую рѣчь: „Государь и Витовтъ! магистръ и маршалъ посылаютъ Вамъ эти мечи въ помощь и приглашаютъ на битву; просятъ Васъ, чтобы Вы

¹⁾ *Thinnert*, 52. Планъ битвы см. у *Horn*, Nachtrag zur Schlacht von Tanneberg, въ *Alpreuss. Monats. Band*, XXIII, 1886, стр. 142; у *Köhler*, II, 656—740, а также у *Voigt*, VII, Narbutt, VI. *Шайноха*, II, 615, *Cromer*, Polonia sive de origine et rebus gestis Polonorum, Colon, Agrip. 1589, стр. 268: „in prima acie robur totius exercitus et veterani milites collocati“. *Köhler*, II, 695. Разказъ Длугота (XI, 49), какъ магистръ передъ битвою плакалъ и какъ Эльбингскій командоръ (бывшій потомъ съ поля битвы, гдѣ съ честью налъ магистръ) упрекалъ его въ малодушіи, сильно напоминаетъ такой же его разказъ о спорѣ храбраго, но скромнаго Спытко Мельштинскаго съ хвастливымъ Щуковскимъ передъ битвою на р. Ворсклѣ (*Długosz*, X, 528).

²⁾ *Script. rer. prus.*, III, 316 (J. Posilge).

или сами бы избрали мѣсто для сраженія, или же предоставили бы это имъ. Зачѣмъ сидите въ лѣсу, когда битва все-равно неизбежна?" На это Ягайло и Витовтъ отвѣчали: „Мечи принимаемъ и сражаться готовы, выборъ же мѣста предоставляемъ Богу“¹⁾.

Вслѣдъ за этимъ Ягайло отдалъ приказъ наступать²⁾. Войска выстроились и съ пѣніемъ „Богородица...“ двинулись впередъ. Началъ накрапывать небольшой дождь, который прибавилъ поднятую конницей пыль. Витовтъ, стоявшій на правомъ крылѣ, первый вступилъ въ битву. Рыцари открыли сраженіе двумя выстрѣлами изъ орудій. Но пушечные выстрѣлы при плохомъ еще состояніи артиллеріи не причиняли почти никакого вреда неприятелю, и въ первой же стычкѣ рыцари были далеко отброшены отъ своихъ пушекъ. Враждебныя арміи спускались другъ на друга съ двухъ холмовъ. Столкновение было стремительное и сопровождалось страшнымъ крикомъ. Первая стычка, по обыкновенію, была на копьяхъ. Когда копья поломались, схватились за мечи и бердыши. Масса переломанныхъ копій, скатываясь съ холмовъ, образовала между ними, какъ бы нарочно сдѣланный мостъ³⁾. Волѣе часа бьются арміи, съ обѣихъ сторонъ

¹⁾ Сод. ер. Vitoldi, 1014 (жалоба поляковъ на Констанцскомъ соборѣ). Script. rer. ргис. III, 436 (Cronica conflictus) и примѣч. 2 и 3; III, 425, 426 (письма Ягайла къ женѣ и къ епископу Познанскому); III, 316 (J. Posilge). *Długosz*, XI, 50. Длугошъ не вѣрно говоритъ, что Ягайло не посылалъ за Витовтомъ, чтобы не отрывать его отъ устройства войска, и что послы говорили рѣчь передъ однимъ Ягайломъ. Не только Cronica conflictus, но и самъ Ягайло въ письмѣ къ женѣ прямо говоритъ, что герольды держали рѣчь передъ нимъ и Витовтомъ: „Noveritis rex et Vidolde“. Извѣстіе (встрѣчающееся у Эбергарда Виндека, у оратора Николая изъ Влоны), будто мечи эти были смочены кровью—по видимому, выдумка. См. приложение I.

²⁾ Сохранилось преданіе, что одинъ изъ чешскихъ отрядовъ, нанятыхъ Ягайломъ, перешелъ было въ лагерь рыцарей, но магистръ сказалъ начальнику этого отряда: „Я не Христосъ и не нуждаюсь въ Иудѣ“, и тотъ долженъ былъ вернуться обратно въ польскій лагерь. *De Wal* (Hist. de l'ordre-Teut. IV, 318) думаетъ, что этотъ предводитель былъ никто иной, какъ знаменитый впоследствии Жишка. См. *Шайноха*, II, 624 пр. 2. Въ каталогѣ епископовъ Саганскихъ (Саганъ—городъ въ прусской Силезіи), писанномъ разными лицами въ XIV, XV и XVI ст., упоминается, что магистръ отказался принять какихъ-то наемниковъ, и что тѣ перешли тогда на сторону Польши, въ числѣ 600 человекъ, и будто бы они много способствовали побѣдѣ. Script. rer. ргис., III, 432.

³⁾ Длугошъ (XI, 53) разказываетъ, что на мѣстѣ сраженія стояло шесть высокихъ дубовъ; на этихъ дубахъ сидѣло много зрителей (не извѣстно, нѣмцы или поляки), которые съ высоты спокойно слѣдили за ходомъ битвы.

много убитыхъ, а успѣхъ не склоняется ни на ту, ни на другую сторону. Но вотъ литовцы поколебались, стали отступать нѣсколько въ бокъ, къ Лаубенскому озеру, и скоро большая часть праваго крыла польско-литовской арміи, не смотря на увѣщанія и приказанія Витовта, обратилась въ бѣгство ¹⁾. Остались только три смоленскіе полка и тѣмъ заслужили себѣ бессмертную славу. Одинъ изъ нихъ почти весь былъ уничтоженъ, остальные же два полка устояли противъ всѣхъ атакъ и соединились съ польскими войсками. Одна часть лѣваго крыла рыцарской арміи была занята сопротивленіемъ смольнянъ, другая же часть бросилась въ погоню за бѣжавшими литовцами. Рыцари уже думали праздновать полную побѣду. Они запѣли „Христосъ воскресъ“ и въ то время, когда большая часть лѣваго крыла прусскаго войска занялась преслѣдованіемъ, центръ и правое крыло, воодушевленные удачей, съ новою энергіей ударили на поляковъ. Большое королевское знамя съ бѣлымъ орломъ было опрокинуто, и только съ большимъ трудомъ поляки его восстановили. Минута была довольно опасная для поляковъ. Тѣмъ болѣе, что преслѣдовавшіе литовцевъ рыцари стали возвращаться и спѣшили на помощь къ своимъ. Витовтъ не потерялся; оставивъ надежду остановить литовцевъ, онъ вернулся въ польскую армію, взялъ нѣсколько полковъ и съ ними ударилъ на возвращавшихся изъ погони рыцарей. Большая часть изъ нихъ была отрѣзана, перебита или захвачена въ плѣнъ; только немногіе успѣли присоединиться къ своему войску ²⁾.

Главные силы рыцарей бросились теперь на центръ польской арміи, гдѣ стояли знамена краковское, сандомирское, вислицкое, галицкое и др. Загорѣлся страшный бой, продолжавшійся нѣсколько часовъ. Славянъ было больше, и они постоянно вводили въ сраженіе новыя силы. Около пяти часовъ пополудни рыцари начали отступать къ своему лагерю ³⁾. Возникло замѣшательство; кульмскій отрядъ (*ritter*

¹⁾ Длугошъ (XI, 54, 55), говоритъ, что нѣкоторые бѣжали до самой Литвы и тамъ распространяли вѣсть, будто славянское войско разбито, Ягайло и Витовтъ убиты.

²⁾ *Thunert* (54, примѣч. 3) справедливо замѣчаетъ, что правое крыло польско-литовской арміи не было восстановлено, какъ думаетъ *Каро* (III, 325). На его восстановленіе дѣйствительно нѣтъ указаній и въ *Cron. conf.*, на которой, главнымъ образомъ, основывается *Каро*. Но съ другой стороны *Тунертъ* забываетъ, что оно и не было вполнѣ уничтожено: оставались смоленскіе полки, о которыхъ *Тунертъ* почему-то не упоминаетъ.

³⁾ *Cronica conflictus*, 438. *Thunert*, 55, примѣч. 4.

und knechte des landes Colmen) измѣнически ушелъ съ поля битвы ¹⁾). Магистръ, собравъ пятнадцать свѣжихъ резервныхъ отрядовъ, рѣшился сдѣлать попытку повернуть счастье на свою сторону и направился съ ними прямо къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ Ягайло. Все время до сихъ поръ король находился въ безопасномъ мѣстѣ, окруженный большимъ отрядомъ тѣлохранителей; на случай пораженія для него разставлено было на нѣкоторомъ протяженіи нѣсколько лошадей. Теперь тѣлохранители окружили его еще тѣснѣе, малое королевское знамя съ бѣлымъ орломъ на красномъ полѣ, всегда слѣдовавшее за королемъ, было предусмотрительно спущено, чтобы не выдавало мѣстопребываніе короля. Но Ягайло, видя вблизи себя рыцарей, которые остановились, чтобы лучше высмотрѣть мѣсто для нападенія, вдругъ воспламенился духомъ, схватилъ копьѣ и хотѣлъ броситься на непріятеля, и только съ большимъ трудомъ, почти насильно былъ удержанъ окружающими ²⁾). Отрядъ, предводимый магистромъ, въ это время мчался уже мимо, въ нѣкоторомъ отдаленіи, направляясь въ самую густую массу славянскаго войска. Одинъ изъ рыцарей—Диппольдъ фонъ Кокеритцъ изъ Лузаціи, замѣтивъ блестящее вооруженіе короля, отдѣлился отъ строя и съ поднятымъ копьемъ поскакалъ на Ягайла ³⁾ Король, увидя его, бросилъ въ него копьѣ и сильно ранилъ въ лицо, а молодой секретарь короля Збигневъ Олесницкій, стоявшій вблизи, ударомъ копьѣ выбилъ Диппольда изъ сѣдла, который и былъ немедленно убитъ окружающими. Нѣсколько рыцарей бросились было вслѣдъ за Диппольдомъ, но были отозваны магистромъ, который стремился противъ главныхъ непри-

¹⁾ Script. ger. prus., III, (J. Posilge) *Thunert*, 56. *Voigt*, VII, 93. Предводитель отряда потомъ, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, былъ казненъ за измѣну.

²⁾ Cronica conflictus, 438. *Dlugosz* XI, 52, 57, 58. *Caro*, III, 327. Длугошъ (XI, 57) разсказываетъ, что Ягайло, видя несущихся рыцарей, сначала послалъ Збигнева Олесницкаго за подкрѣпленіемъ, но тотъ не могъ его достать, такъ какъ всѣ были заняты на своемъ мѣстѣ.

³⁾ Cronica conflictus, 438. *Dlugosz*, XI, 58. *Шайноха*, II, 632. Объ эпизодѣ съ Диппольдомъ говорится въ бреве папы Мартина V, 1423 г., по поводу отпущенія грѣха кровопролитія Збигневу, когда онъ назначался Краковскимъ епископомъ: „cum.. quidam armiger sive stipendiarius magistri. in necem prefati regis aspirans illi occurreret, animo ipsum interficiendi, tu eidem regi tunc assistens quadam lancea quam etiam tunc in manibus tuis tenebas armigerum ipsum unico ictu percussisti ac cum ab equo ad terram dejecisti, et successive eundem sic dejectum alio ictu similiter percussisti, quem tamen non mutilasti nec sanguinem ex ejus corpore effudisti, licet postmodum armiger ipse ab aliis prefati regis armigeris illico interemptus fuerit“. См. *Caro*, III, 328, примѣч. 1.

ягельскихъ силъ. Богѣ храбро, чѣмъ благоразумно, напалъ онъ на ядро польскаго войска у королевскаго знамени. Сначала произошло въкоторое недоразумѣніе. Поляки приняли-было этотъ непріятельскій отрядъ за возвращавшихся литовцевъ по особымъ копьямъ (сулицамъ) и не сейчасъ сдѣлали нападеніе. Чтобы разъяснить сомнѣніе Добеславъ Олесницкій поскакалъ на приближающійся отрядъ. На встрѣчу ему выѣхалъ рыцарь. Узнавъ непріятеля, Добеславъ бросилъ въ него копье и поспѣшилъ обратно. Рыцарь, ловко уклонившись отъ удара, погнался за нимъ, брошеннымъ копьемъ ранилъ его лошадь и повернулъ назадъ ¹⁾. Какъ только такимъ образомъ сомнѣніе разъяснилось, рыцари немедленно были окружены превосходнѣйшими силами. Въ первой же стычкѣ палъ магистръ ордена Ульрихъ фонъ Юнгвингенъ; за нимъ палъ маршалъ и большая часть командировъ и братьевъ. Оставшіеся въ живыхъ поспѣшили назадъ въ лагерь. Придя туда, рыцари думали защищаться. Но, видя, что у поляковъ появляются все новыя свѣжія силы, еще не бывшія въ сраженіи, нѣкоторые бросили лагерь и поспѣшно въ безпорядкѣ бѣжали. Другая же часть, отчаявшись найдти спасеніе въ бѣгствѣ, осталась въ лагерьѣ и устроила укрѣпленіе изъ повозокъ. Поляки, подступивъ къ нѣмецкому лагерю, безъ труда имъ овладѣли и перебили всѣхъ тамъ оставшихся, такъ что здѣсь оказалось болѣе всего труповъ ²⁾.

Такъ кончилось сраженіе ³⁾. День уже клонился къ вечеру: до

¹⁾ *Długosz*, XI, 59, 60.

²⁾ На томъ мѣстѣ, гдѣ палъ магистръ, на холмѣ между Танненбергомъ и Людвиговою деревней была повдѣе построена часовня, развалины которой видны еще до сихъ поръ. *Thunert*, 56, примѣч. 6. По Длугошу, нѣкоторые рыцари сдавались; наприимѣръ, Георгій Керцдоръ, бывший въ орденскомъ войскѣ при знамени Св. Георгія, съ 40 соратниками сдался военнопленнымъ. (*Długosz*, XI, 60). Далѣе (XI, 61) Длугошъ разказываетъ, будто въ прусскомъ лагерѣ нашли тѣлги, нагруженныя цѣпями, предназначенными для плѣнныхъ поляковъ, множество факеловъ для преслѣдованія и большое количество вина. Ягайло, опасаясь, чтобы солдаты не перепились, приказалъ вылить это вино, и вслѣдствіе этого образовался цѣлый потокъ изъ вина, смѣшаннаго съ кровью убитыхъ.

³⁾ Не обошлось, конечно, это сраженіе безъ чудесныхъ видѣній. Ночью на канушъ битвы многіе видѣли, что на лунѣ происходила ожесточенная борьба между королемъ и монахомъ. Наконецъ монахъ былъ побѣжденъ и сброшенъ съ луны. Въстѣ объ этомъ чудѣ на другой день распространилась по всему войску. Королевскій капелланъ Вареломей утверждалъ, что онъ видѣлъ это явленіе собственными глазами (*Długosz*, XI, 35). Затѣмъ Длугошъ прибавляетъ, что неизвѣстно, какъ надо объяснить это явленіе: можетъ быть, это было предчувствіе души, можетъ быть,—оптический обманъ вслѣдствіе какихъ-нибудь воздуш-

захода солнца оставалось около часу. Король, взоиди на вершину одного холма, преклонилъ колѣна и въ горячей молитвѣ благодарилъ Бога за дарованную побѣду. Сюда приводили къ нему множество плѣнныхъ, между другими, Казимира Штеттинскаго, Копрада Силезскаго и многихъ бароновъ и рыцарей изъ разныхъ странъ Европы. Насчитали 22 различныхъ народности; 6 королевскихъ потариусовъ записывали имена плѣнныхъ. Затѣмъ король, выбравъ мѣсто для лагера, приказалъ наложить на землю вѣтвей и расположился на нихъ отдыхать ¹⁾.

На слѣдующій день съ большимъ торжествомъ служили обѣдни въ честь Св. Духа, Св. Троицы и *Divisio Apostolorum*. Затѣмъ опять во весь этотъ день и въ слѣдующій приносили къ королю захваченныя знамена и приводили плѣнныхъ. Знатнѣйшіе плѣнные: герцогъ Штеттинскій, герцогъ Силезскій (*von Oels*), рыцари ордена и другіе—отправлены въ Польшу подъ стражу; большая же часть была отпущена, давъ слово явиться въ Краковъ ко дню св. Мартына. Изъ плѣнныхъ рыцарей двое, впрочемъ, были немедленно повѣшены по приказанію Витовта. Это были командоръ Марквардъ Сульцбахъ и Шумбергъ. Такая участь ихъ постигла за то, что они прежде непочтительно отзывались о Витовтѣ и его матери, да и теперь грубо и рѣзко отвѣчали Витовту ²⁾. Въ эти же дни король писалъ письма о побѣдѣ: женѣ, епископу Познанскому, архіепископу Николаю изъ Курова, панамъ въ Краковъ, магистрату города Кракова, Краковской академіи, иностраннымъ государямъ; городу Франкфурту на Майнѣ, Венеціанской республикѣ ³⁾. По приказанію Ягайла, былъ отысканъ трупъ великаго магистра, одѣтъ въ богатый саванъ и отвезенъ въ Маріенбургъ. На третій же день поляки сняли лагерь и отправились далѣе въ непріятельскую землю ⁴⁾.

ныхъ явленій, или какая-нибудь другая неизвѣстная причина. За то Длугошъ съ полною вѣрою относится къ другому чуду — что въ день битвы надъ сражающимися былъ видѣнъ величественный мужъ въ первосвященническомъ одѣяннѣ который благословлялъ поляковъ. Длугошъ полагаетъ, что это былъ Св. Станиславъ. (*Długosz*, XI, 35, 62).

¹⁾ *Шайноха* II, 639. *Długosz* XI, 64, говоритъ, что у Ягайла отъ продолжительной команды до того охрипъ голосъ, что его съ трудомъ можно было понимать.

²⁾ *Długosz*, XI, 63, 71. *Thunert*, 58.

³⁾ *Script. reg. prus.* III, 425, 426. *Długosz*, XI, 71. *Thunert*, 58. *Caro* III, 329 пр. 1. *Шайноха*, II, 644.

⁴⁾ *Cronica conflictus*, 439. О разногласіи относительно дня, когда поляки

ПРИЛОЖЕНИЯ.

I.

О мечахъ, присланныхъ рыцарями въ польскій лагерь.

Фактъ присылки рыцарями въ польскій лагерь двухъ мечей возбудилъ въ исторической литературѣ много различныхъ мнѣній и вопросовъ. Впервыхъ, разногласіе появилось въ вопросѣ, кто собственно послалъ эти мечи. Одни думаютъ, что ихъ отравили магистръ и маршалъ ордена; другіе полагаютъ напротивъ, что они посланы маршаломъ ордена, безъ вѣдома магистра. Ногн (въ своей статьѣ „Nachtrag zur Schlacht von Tannenberg“, *Altpreuss. Monatsch.* XXII, стр. 641), держась послѣдняго мнѣнія, развиваетъ его еще далѣе. Онъ говоритъ, что великій магистръ вовсе не желалъ сраженія; маршалъ же ордена и командиры (такъ-сказать — генеральный штабъ) напротивъ настаивали на сраженіи. И вотъ будто маршалъ тайно отъ магистра (подобно Геннастоку) дѣлаетъ сраженіе неизбежнымъ. Ногн въ подтвержденіе своего мнѣнія приводитъ и другія второстепенныя соображенія, которыя, впрочемъ, удачно опровергаются Тунертомъ (въ его статьѣ „Der grosse Krieg zwischen Polen und dem Deutschen Orden“ въ *Zeitschrift des Westpreussischen Geschichtsvereins*, Heft XVI, Danzig 1886, стр. 53 пр. 6). Но Тунертъ склоненъ принять главное основаніе—что маршалъ одинъ послалъ эти мечи, безъ вѣдома магистра. Того же мнѣнія и Köhler, *Entwicklung des Kriegswesens und der Kriegführung in der Ritterzeit*, Band II, Breslau 1886, 721. Между тѣмъ въ источникахъ объ этомъ фактѣ мы имѣемъ слѣдующее. J. Posilge (*Script. rer. prus.* III, 316) говоритъ, что маршалъ отправилъ два меча („Und der marschalk sante dem könige czwey bare swert by den heroldin“); но не упоминаетъ вовсе, будто это сдѣлано безъ вѣдома магистра. Поэтому можно понять это и такъ, что и магистръ, и маршалъ, и командиры—однимъ словомъ, весь орденъ—рѣшили послать герольдовъ съ мечами, а маршалъ только привелъ въ исполненіе общее рѣшеніе. Обратимся къ другимъ источникамъ. Угайло на другой день послѣ побѣды, то-есть, 16-го іюля 1410 г. написалъ съ поля сраженія два письма: одно къ жонѣ Аннѣ, другое къ Познанскому епископу Альберту. Въ первомъ письмѣ онъ говоритъ, что мечи ему и Витовту были присланы магистромъ и маршаломъ (*magister cruciferorum et marschalcus nobis et preclaro principi domino Witoldo*); во второмъ въ связи рѣчи упоминаетъ только одного магистра (*magister.... appropinquans....* по-

двинулись далѣе (17 или 18), см. *Thunert* 58, примѣч. 6. Число убитыхъ съ обѣихъ сторонъ опредѣлить трудно, такъ какъ свѣдѣнія источниковъ вполне разногласны. *Cronica conflictus* и *Iohann Posilge* не опредѣляютъ его вовсе. *Conrad Bitschin* (*Script. rer. prus.* III, 484): „plus quam LX millia virorum ceciderunt de utrisque partibus“. *Dlugosz*, XI, 62: „Hostium eo praelio quinquaginta milio occisa, capta quadraginta“. См. *Voigt*, VII, 97 пр. 4. *Caro*, III, 331. *Köhler*, II, 733, 734.

bia et duci Witoldo. . . duos gladios direxit). Далѣ Cronica conflictus (польское описаніе битвы въ Script. rer. prus. III, 486, 487), по всей вѣроятности, современная событію, выражается еще болѣе опредѣленно. Она говоритъ, что магистръ послалъ мечъ Ягайлу, а маршалъ Витовту: „...venerunt ad regem duo horaldi, unus regis Hungarie, regi ex parte magistri evaginatum portans gladium et alter ducis Sceeynonsis alium similiter gladium ex parte marsalci duci Vytoldo dandum manu tenens. Dixerunt: Rex! magister hunc tibi dirigit gladium et fratri tuo Vitoldo ex parte marsalci alium dare debemus, si ipsius presenciam habere potuerimus“. Далѣ въ своей рѣчи герольды говорятъ: „Magister et marsalcus hos gladios vobis mittunt“. У Длугоша (XI, 50) герольды говорятъ, что магистръ прислалъ мечи: „Illustrissime Rex! Magister Prussiae generalis Ulricus mittit tibi et fratri tuo per nos Aroldos praesentes duos gladios“. Длугошъ также упоминаетъ, что посланы были герольды короля Сигизмунда и герцога Штеттинскаго (XI, 49). Наконецъ, имѣемъ еще два документа официальные, но вмѣстѣ съ тѣмъ и тенденціозные вслѣдствіе самаго ихъ назначенія. Это—жалоба поляковъ и оправданіе рыцарей на Констанцскомъ соборѣ. Поляки въ своей жалобѣ (Cod. ep. Vitoldi, 1014; V digt, Gesch. Preus., VII, 85, примѣчаніе) говорятъ, что мечи приславы по приказанію магистра и маршала отъ всего ордена и что одинъ изъ герольдомъ былъ Ramrich, герольдъ императора Сигизмунда (magistri ordinisque et marsalci jussionibus). Герольдамъ приписывается такая рѣчь: „Ecce offerimus vobis duos gladios pro vobis rex unum et pro vobis dux Witoldo alterum ex parte magistri et marschalci et fratrum ordinis Teutonicorum“. Рыцари же въ своемъ оправдательномъ отвѣтѣ говорятъ совсѣмъ другое. Здѣсь въ первый разъ заявляется прямо, что мечи отправилъ одинъ маршалъ, тайно отъ магистра: „et sic marschalcius inconsulto Magistro istos gladios non in contemptum Regis nec ex superbia, sed ex informacione heroldorum expertorum in tali negocio, ne altera pars in expectando deficeret, misit gladios“ (Voigt, Gesch. Preus., VII, 85, примѣчаніе).

Такимъ образомъ въ этомъ отвѣтѣ рыцарей имѣемъ единственное прямое указаніе, что маршалъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ безъ вѣдома магистра. Свидѣтельство I. Посниге, какъ мы видѣли выше, не отрицаетъ, но и не подтверждаетъ этого указанія. Свидѣтельства польскія (письма Ягайла, Cronica conflictus, Длугошъ, жалоба поляковъ) на первый взглядъ какъ будто рѣшительно опровергаютъ указаніе оправдательнаго отвѣта рыцарей, ибо всѣ они говорятъ, что герольды присланы и отъ лица магистра, а жалоба даже прибавляетъ „et fratrum Ordinis Teutonicorum“. Но дѣло въ томъ, что всѣ эти польскія свидѣтельства основываются на заявленіи герольдомъ, передаютъ собственно ихъ рѣчь. Герольды же могли дѣйствительно по приказанію маршала говорить, что они присланы и отъ магистра. Имъ даже и необходимо было такъ говорить во всякомъ случаѣ, ибо иначе они не могли бы быть приняты за пословъ ордена, и посольство ихъ не имѣло бы значенія. Ихъ слова поэтому вовсе еще не доказываютъ, что они посланы съ вѣдома магистра. Слѣдовательно, указаніе оправдательнаго отвѣта рыцарей ничѣмъ прямо не опровергается. Тѣмъ не менѣе оно представляется маловѣроятнымъ по слѣдующимъ причинамъ. Прежде всего странно, что оно встрѣчается только въ оправдательномъ отвѣтѣ рыцарей,—а въ этомъ отвѣтѣ рыцари, конечно,

старались собрать все возможное для своего оправданія противъ польскихъ жалобъ. Поляки же указывали на присылку мечей, какъ на свидѣтельство высокопѣрія, какъ на дерзкую обиду, нанесенную намѣренно со стороны ордева полякамъ, чтобы ихъ раздражить. Изъ вышеприведеннаго отрывка видно, что рыцари, оправдывая себя, объявляли, что отправленіе мечей неприятелю — просто рыцарскій обычай, не заключающій въ себѣ ничего обиднаго. Но, по видимому, это оправданіе имъ самимъ казалось недостаточнымъ, и поэтому они стали сваливать отвѣтственность за посылку мечей на одного маршала. Трудно повѣрить, чтобы дѣйствительно маршалъ могъ, еслибы даже и рѣшился, сдѣлать это тайно; особенно, если принять во вниманіе, что посланы были не какіе-нибудь простые рыцари, а, какъ мы видѣли выше, герольды иностранныхъ государей (короля Сигизмунда и герцога Штеттинскаго).

Второе разногласіе — въ вопросѣ о томъ, что означаетъ эта присылка мечей. Есть ли это просто обычай, какъ утверждали рыцари въ своемъ оправдательномъ отвѣтѣ, или это дерзкій, насмѣшливый вызовъ, какъ утверждали поляки въ своей жалобѣ. Но этотъ вопросъ въ сущности не важенъ. И тѣ, и другіе, можно сказать, правы. Обычай такой существовалъ. Такъ, напримѣръ, въ *Histoire et Croniques du petit Jehan de Saintré* (изд. 1830 г., на стр. CLIII) говорится, что Saintré, вызывая противника на бой (топорами), *envoya par deux heraulx d'armes deux haches à messire Engueant*⁴. Тамъ же на стр. CCCLVI Saintré посылаетъ другому противнику также *deux haches et deux dagues* (кинжалъ) (см. Шайноха, *Левига и Ягайо*, II, 625 примѣч. 1, ср. также *Script. rer. prus.* III, 316, примѣч. 3. Köhler, *Die Entwicklung des Kriegswesens und der Kriegführung in der Ritterzeit*, Band II, Breslau 1886, 720, примѣч. 5). Но къ этому обычаю, конечно, прибѣгалъ только тотъ, кто желалъ сраженія, надѣялся на побѣду и считалъ своего противника слабѣе себя, то-есть, относился къ нему съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ. Въ давномъ случаѣ этотъ отвѣнокъ пренебреженія выразился особенно въ замѣчаніи герольдовъ, что поляки напрасно прячутся въ лѣсахъ. Это замѣчаніе находится не только въ жалобѣ поляковъ (*Cod. ep. Vitoldi*, 1014: *„Cur in silvis latitatis, cur vos absconditis, quare bellum subterfugitis, quod utique evitare non potestis“*), въ *Cronica conflictus* (*Script. rer. prus.* III, 437: *„Nec volitis vos in condense hujus silve abscondere, quinimmo ad bellum protinus exire non differatis, quia pugnam nullomodo evadere poteritis“*), у Длугоша (XI, 50: *„neque de caetero latites et intra silvas nemoraque consistens, pugnam trahas“*), но и у J. Posilge (*Script. rer. prus.* III, 316: *„und der marschalk sante deme konige czwey bare swert by den heroldin, das her nicht so lege in dem walde, sunder das her hervorzoge uff das rume“*).

Наконецъ, третьихъ, фактъ посылки мечей представляется особенно интереснымъ еще и потому, что повѣршии изслѣдователь этого времени Турпегъ беретъ именно изложеніе въ источникахъ этого факта, чтобы доказать, будто *Cronica conflictus* заимствовала разказъ изъ жалобы поляковъ на Копстанцкомъ соборѣ, и слѣдовательно она написана не въ 1410 г. (какъ думаютъ Штрельке и Каро), а послѣ 1416 г. Въ этому вопросу о *Cronica conflictus* мы обратимся ниже, во 2-мъ приложеніи.

Извѣстіе, будто мечи были смочены кровью, по видимому,—выдумка. Изъ писателей, болѣе близкихъ къ событію по времени, это извѣстіе имѣютъ Эбергардъ Впндекъ (Aeschbach, Gesch. K. Sigism., 457, Beilage XVII), Николай фонъ-Блоне (капелланъ епископа Познанскаго Станислава, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ польскихъ ораторовъ XV в.): „Regi insuper nominato duos direxerunt cruentatos gladios, insinuantos, quod et suos in sanguine regis et suorum nobilium vellent cruentare gladios et totam terram Polonorum radicibus extirpare et in favillam redigere“. (О достоверности свѣдѣній, сообщаемыхъ этими ораторами, можно судить, напримѣръ, по слѣдующему: онъ разказываетъ, будто, какъ только поляки зашли Богородицу, на рыцарей тотчасъ напалъ непреодолимый страхъ, они бросились бѣжать и самъ магистръ погибъ въ какомъ-то болотѣ). Script. rer. prus., III, 439, проповѣдь Николая фонъ-Блоне на день Divisio Apostolorum. Затѣмъ — Эиель Сильвій и нѣкоторые другіе. См. Thunert, 103, Caro, III, 322. Danilowicz, Scarbiec diplomatów. Wilnó 1860, I, 372.

II.

Объ отношеніи между Cronica conflictus Wladislai regis Polonie cum cruciferis anno Christi 1410 (Script. rer. prus., III, 434 и слѣд.) и Длугошемъ (Hist. Polon., lib. XI, стр. 14 и слѣд., по изданію А. Пршездзецкаго).

Упомянутые два источника—самые важные для описанія Таушенбергской битвы. Но исследователи расходятся въ томъ, которому изъ этихъ источниковъ отдать предпочтеніе. Каро (Gesch. Polens, III, 318, примѣч. 1) ставитъ на первомъ планѣ Cronica conflictus. По его мнѣнію, эта хроника написана въ 1410 году и притомъ, по всей вѣроятности, очевидцемъ событія. Такъ же думаетъ и Köhler (Die Entwicklung des Kriegswesens und der Kriegführung in der Ritterzeit, Band II, Breslau 1886, 714). Къ тому же году относитъ Cron. confl. и издатель ея Штрельке, по мнѣнію котораго, она написана однимъ изъ духовныхъ, окружавшихъ Ягайла, въ концѣ 1410 г. (Script. rer. prus., III, 434). Между тѣмъ въ прошломъ году Тунертъ (Der Grosse Krieg zwischen Polen und dem Deutschen Orden въ Zeitschrift des Westpreussischen Geschichtsvereins, Heft XVI, Danzig 1886, стр. 102) высказалъ мнѣніе, что Cron. confl. составлена гораздо позже, не ранѣе 1416 г., и что, кромѣ того, Длугошъ долженъ быть предпочтенъ этой хроникѣ.

Тунертъ посвятилъ нѣсколько страницъ (94—103) разбору содержанія этой хроники и отношенія ея къ Длугошу. Прежде всего онъ совершенно справедливо отмѣчаетъ большое сходство между Cron. confl. и Длугошемъ, сходство не только въ содержаніи, но иногда даже и въ самыхъ выраженіяхъ. Является вопросъ, какъ же объяснить это сходство. Можетъ быть сдѣлано три предположенія: или хроника заимствовала изъ Длугоша (если предположить, что хроника составлена позднѣе Длугоша), или Длугошъ изъ хроники, или, наконецъ, оба, то-есть, Длугошъ и составитель хроники пользовались однимъ и тѣмъ же неизвѣстнымъ источникомъ. Тунертъ справедливо отвергаетъ

возможность первого предположенія, такъ какъ краткая хроника вовсе не похожа на извлеченіе изъ подробнаго Длугоша. Второе предположеніе тоже кажется автору неправдоподобнымъ на томъ основаніи, что между хроникою и Длугошемъ есть разногласія, какъ въ характеристикѣ короля Ягайла, такъ и въ изложеніи фактовъ. Такимъ образомъ авторъ принимаетъ третье предположеніе, что сходство Длугоша и хроники объясняется изъ третьяго общаго источника.

Разберемъ тѣ противорѣчія, которыя Тувертъ находитъ между хроникою и Длугошемъ и которыя, по его мнѣнію, опровергаютъ предположеніе, что Длугошъ заимствовалъ изъ хроники.

1) Въ хроникѣ польское войско въ два дня, 26-го и 27-го іюня, проходитъ около 100 километровъ, что Тувертъ считаетъ невозможнымъ и что у Длугоша положено иначе, болѣе вѣроятно.

2) Говоря объ отношеніяхъ Польши, ордена и Венгрии, хроника и Длугошъ опять расходятся именно въ указаніяхъ мѣста и времени, тогда какъ содержаніе переговоровъ и приводимыя рѣчи въ общемъ сходны. При этомъ замѣчательно, что источники сходятся и въ опредѣленіяхъ мѣста и времени, но только уже послѣ того, какъ польское войско вступило въ непріятельскую территорію.

Эти противорѣчія объясняетъ авторъ тѣмъ, что предполагаемый первоисточникъ говорилъ и о походѣ польскаго войска до вступленія въ непріятельскую землю, и о политическихъ переговорахъ только въ общихъ чертахъ. А подробности и хроника, и Длугошъ дополняютъ каждый отъ себя; при этомъ Длугошъ дополняетъ вѣрно, а хроника невѣрно. Но тутъ возможно и другое объясненіе. Хроника имѣла въ виду, какъ показываетъ самое заглавіе ея (*Stonica conflictus*), описать самую битву; все же, что предшествовало битвѣ и что слѣдовало за нею, имѣло для составителя хроники второстепенное значеніе, какъ предисловіе и послѣсловіе. Поэтому онъ и говоритъ о событіяхъ, предшествовавшихъ битвѣ, а также (какъ увидимъ ниже) и о слѣдовавшихъ за нею—кратко, въ самыхъ общихъ чертахъ, отчего у него и нѣтъ точности въ опредѣленіяхъ ихъ мѣста и времени. (Предположеніе о существованіи еще болѣе краткаго первоисточника—совершенно лишнее). Длугошъ же, писавшій не только о самой битвѣ, но вообще исторію Польши, излагаетъ все подробно. Указанныя противорѣчія вовсе не доказываютъ, что Длугошъ не пользовался хроникою вообще; они только доказываютъ, что онъ не пользовался ею въ этомъ мѣстѣ, то-есть, въ изложеніи событій, предшествовавшихъ битвѣ, такъ какъ имѣлъ объ этомъ болѣе обстоятельныя свѣдѣнія, чѣмъ краткое изложеніе хроники. Со вступленія же польскаго войска въ непріятельскую территорію, когда хроника дѣлается подробнѣе, указанія мѣста и времени и вообще все изложеніе, какъ сказано выше, въ хроникѣ и у Длугоша—сходны.

3) Разногласіе хроники и Длугоша при описаніи взятія Гильгенбурга (Дубровно); это разногласіе состоитъ въ слѣдующемъ. Хроника говоритъ, что Ягайло отдалъ приказъ взять этотъ городъ только регулярнымъ войскамъ: „*tantum communi populo et non milicie sue expugnare mandavit*“ (*Script. rer. prus.*, III, 435). Длугошъ же здѣсь не различаетъ регулярныя и иррегулярныя войска, а говоритъ прямо, что Ягайло запретилъ брать городъ, что онъ былъ

взять противъ его приказанія (Długosz, XI, 33). Тунертъ объясняетъ это противорѣчіе тѣмъ, что въ общемъ первоисточникъ былъ упомянуть просто фактъ взятія Гильгенбурга; а такъ какъ это взятіе сопровождалось большими жестокостями, то составитель хроникъ и Длугошъ, каждый по своему, старались объяснить и смягчить эти жестокости. Намъ же кажется, что этому противорѣчію слѣдуетъ дать совершенно другое объясненіе. Хроника говоритъ вѣрно, что Гильгенбургъ былъ взятъ иррегулярными войсками. Это—вовсе не выдумка составителя хроникъ, какъ предполагаетъ Тунертъ. По крайней мѣрѣ сами рыцари въ своей жалобѣ противъ поляковъ на Констанцкомъ соборѣ (Cod. ep. Vitoldi, 1031) приписываютъ взятіе Гильгенбурга и совершенныи при этомъ жестокости—татарамъ и другимъ невѣрнымъ. (*Tartari et nonnulli alii infideles ex gentibus regis oppidum Gilgenburg, quod in metis est Russie, proditorie intraverunt in quo stragem indicibilem commiserunt nulli parcendo penitus*). Рыцарямъ, конечно, не было никакого расчета скрывать, что жестокости были совершены регулярными польскими войсками, еслибы это дѣйствительно такъ было; напротивъ, тогда обвиненіе противъ поляковъ было бы еще болѣе тяжело. То же самое говоритъ и *Annalista Thorunensis* (*Script. rer. prus.*, III, 315): *Tartari civitatem Gilgenburg invaserunt. J. Posilge* (*Script. rer. prus.*, III, 315) разказываетъ о святотатствахъ въ церквяхъ при взятіи Гильгенбурга, на которыя едва ли рѣшились бы католики поляки. Почему Длугошъ не обратилъ особеннаго вниманія на то, что Гильгенбургъ былъ взятъ не поляками собственно, сказать трудно; но, во всякомъ случаѣ, онъ здѣсь не точенъ. Можетъ быть, онъ боялся, что, упомянувъ о татарахъ, онъ этимъ однимъ упоминаніемъ возбудитъ представленіе о жестокостяхъ. Заявленіе Длугоша, что взятіе Гильгенбурга совершилось вопреки запрещенію Ягайла—не очень вѣроятно. Трудно представить себѣ, чтобы городъ, да еще сильно укрѣпленный, какъ описываетъ его Длугошъ (XI, 33), могъ быть взятъ противъ приказанія короля. Взять его нельзя было въ нѣсколько минутъ, и король имѣлъ достаточно времени заставить исполнить свое приказаніе—не брать города, еслибы онъ дѣйствительно хотѣлъ это сдѣлать. Такимъ образомъ это противорѣчіе объясняется просто тѣмъ, что Длугошъ отступилъ отъ истины, тогда какъ хроника разказываетъ правдиво. Предполагаемый общій первоисточникъ рѣшительно не при чемъ. Здѣсь Тунертъ дѣлаетъ еще выводъ, что *Сгон. софл.* составлена изъ отдѣльныхъ частей, на томъ основаніи, что хроника сначала просто упоминаетъ о взятіи Гильгенбурга, а затѣмъ черезъ 2 строки повторяетъ этотъ фактъ подробнѣе. Но дѣло въ томъ, что въ этихъ 2 строкахъ хроника говоритъ въ сущности о томъ же событіи—разказывается, какъ придвигалъ Ягайло свой лагерь къ Гильгенбургу (*Script. rer. prus.* III, 435). Еслибы эти два упоминанія были въ разныхъ мѣстахъ и раздѣлялись бы другими фактами, тогда это могло бы служить доказательствомъ составности хроникъ. Но такъ какъ они стоятъ рядомъ, при чемъ разказъ идетъ все о томъ же, то это двойное упоминаніе можетъ только доказывать недостаточность литературной обработки хроникъ.

4) Хроника говоритъ, что въ ночь съ 14-го на 15-е была буря, гремѣлъ громъ и шелъ дождь. И въ то же время разказываетъ, что видна была луна кроваваго цвѣта и на ней мечъ. Длугошъ же сначала говоритъ, что ночь

была тихая и ясная и видна была луна, и на ней монахъ, борвшійся съ королемъ. (При этомъ Тунертъ забылъ упомянуть, что у Длугоша описаніе погоды довольно странное: по его описанію, только въ польскомъ лагерѣ была тихая ночь, а въ прусскомъ свирѣпствовала буря: *subsequens autem nox in stativis regis benigna et pacifica erat, cujus in exercitu cruciferico dispar erat facies. Ventus quippe validus singula tabernacula quatiendo solo prostraverat, noctemque pene insomnem transegerant*; XI, 35). А нѣсколько далѣе Длугошъ говоритъ то же самое, что хроника, то-есть, что была гроза и шелъ дождь. Сопоставляя эти показанія хроники и Длугоша, Тунертъ дѣлаетъ два вывода. Во-первыхъ, что первоначальный общій источникъ говорилъ только объ естественныхъ явленіяхъ этой ночи, то-есть, о грозѣ и дождѣ, а составитель хроники и Длугошъ прибавили разказъ о сверхъестественныхъ явленіяхъ на лунѣ. Вторыхъ, что составитель хроники, прибавляя разказъ о сверхъестественныхъ явленіяхъ на лунѣ, не позаботился устранить противорѣчія: въ дождливую бурную ночь у него видна луна. Нечего говорить о томъ, что упоминаніе о бурной ночи у Длугоша и въ *scop. confl.* вовсе не доказываютъ существованіе какого-нибудь общаго источника. Ночь дѣйствительно была бурная, и поэтому о бурѣ упоминаютъ оба лѣтописца. Нѣсколько же одинаковыхъ словъ при этомъ („*convascationes, fulgura, tonitrua, pluvia*“ въ хроникѣ, *Script. rer. prus.* III, 435 и „*pluviae, fulgura, convascationes*“ у Длугоша, XI, 36) можетъ быть объяснено или тѣмъ, что оба писателя говорятъ объ одномъ явленіи, или тѣмъ, что Длугошъ пользовался хроникой. Болѣе требуетъ вниманія другой выводъ автора— что какъ въ хроникѣ, такъ и у Длугоша—противорѣчія. Собственно въ хроникѣ противорѣчія, можетъ быть, и нѣтъ: небо могло на нѣкоторое время и проясниться, какъ часто бываетъ во время грозы. Но важно не это, а именно то, что авторъ хроники вовсе не заботился о томъ, есть ли противорѣчіе въ его разказѣ или нѣтъ, а разказывалъ просто, какъ было, я какъ говорилъ. Это доказываетъ безыскусственность повѣствованія и придаетъ ему болѣе цѣны. У Длугоша же скорѣе противорѣчіе, происшедшее именно вслѣдствіе старанія удалить мнимое противорѣчіе. По видимому, разказывая о видѣніи на лунѣ, Длугошъ счелъ нужнымъ для большей правдоподобности сказать, что ночь была ясная, а затѣмъ далѣе говорить о дождѣ, безъ всякой оговорки. Интересно при этомъ, что Длугошъ, какъ сказано выше, разказываетъ, что въ лагерѣ рыцарей была буря въ то время, какъ въ польскомъ ея будто не было. Повѣрить этому, конечно, довольно трудно. Наконецъ, самое видѣніе у Длугоша гораздо фантастичнѣе и, такъ сказать, разработаннѣе, чѣмъ въ хроникѣ: въ послѣдней на лунѣ видѣны только мечъ, а у перваго монахъ, борвшійся съ королемъ. Принявъ во вниманіе все вышесказанное, никакъ нельзя сказать, что здѣсь—одно изъ противорѣчій между Длугошемъ и хроникой, которое и не позволяетъ будто предположить, что Длугошъ пользовался хроникой. Тутъ не противорѣчіе, а просто вымышленныя добавленія со стороны Длугоша: въ разказѣ о погодѣ, различной въ двухъ лагеряхъ, о подробностяхъ видѣнія. И то, и другое добавленіе, конечно, вовсе не говорятъ въ пользу достоверности Длугоша преимущественно предъ хроникой. Ничто не мѣшаетъ предположить, что Длугошъ пользовался въ этомъ случаѣ краткимъ разказомъ хроники, украсивъ его по своему.

5) И составитель хроникъ, и Длугошъ разказываютъ о присылкѣ двухъ обнаженныхъ мечей (про обнаженные мечи говорить и *I. Posilge, Script. rer. III, 316*). И тотъ, и другой упоминаютъ, что при этомъ требовалось присутствіе Витовта. Но далѣе между ними разногласіе. По хроникѣ, Витовтъ пріѣзжаетъ по приглашенію Ягайла (436); а по Длугошу (XI, 50), Ягайло запретилъ даже звать Витовта, такъ какъ тотъ былъ занятъ устройствомъ арміи, и передача мечей произошла безъ него. Тунертъ справедливо предполагаетъ въ этомъ случаѣ тенденціозное искаженіе дѣйствительности со стороны Длугоша, съ цѣлью выставить усердіе и неутомимую дѣятельность Витовта. Письмо Ягайла къ Авиѣ (*Script. rer. prus. III, 416*) это прямо доказываетъ, такъ какъ въ немъ приводится обращеніе пословъ и къ Ягайлу, и къ Витовту („*Noveritis rex et Vidolde!*“) Тоже—и жалоба поляковъ на Констанцскомъ соборѣ (*Cod. ep. Vitoldi, 1014*): „*Ecce offerimus vobis duos gladios pro vobis, rex, unum et pro vobis, rex Vitolde, alterum.*“ Слѣдовательно, и въ этомъ случаѣ противорѣчіе между Длугошемъ и хроникой не доказываетъ, что Длугошъ не пользовался хроникой, такъ какъ это противорѣчіе есть тенденціозное искаженіе Длугошемъ нѣрнаго разказа хроника. И опять это противорѣчіе не говоритъ въ пользу Длугоша.

6) Хроника разказываетъ при началѣ сраженія (говоритъ Тунертъ), что рыцари были отброшены отъ своихъ орудій, а затѣмъ далѣе (*dann heisst es in derselben weiter*) сообщаетъ, что рыцарями было сдѣлано два выстрѣла изъ орудій. Длугошъ же, напротивъ (*dagegen*), говоритъ, что въ началѣ сраженія рыцари сдѣлали два выстрѣла.

Но дѣло въ томъ, что хроника сначала (а не далѣе, какъ передаетъ Тунертъ) сообщаетъ, что рыцари сдѣлали два выстрѣла въ самомъ началѣ сраженія, а потомъ были отброшены отъ своихъ орудій. *Script. rer. prus. III, 437*: „*In ipso autem primo ingressu belli ante paulisper pluvia lenis et calida egerit et pulveres ab equorum pedibus solvit. Cumque in ipsius pluvie inicio (слѣдовательно въ самомъ началѣ сраженія) duo ictus in emissione lapidum de pixidibus hostium facti erant, quia hostes multas pixides habuerunt, nullum tamen nocumentum per hujusmodi emissiones nostris facere potuerunt et statim primo congressu cum gente regis facto ab eisdem pixidibus fere per stadium sunt repulsi. Bellum fecere tunc aspergimum.*“ Слѣдовательно, и хроника, и Длугошъ сходятся въ томъ, что сраженіе началось двумя пушечными выстрѣлами со стороны рыцарей, и мнимое противорѣчіе этихъ двухъ источниковъ произошло оттого, что Тунертъ переставилъ факты въ разказѣ хроникъ. Разница между хроникой и Длугошемъ заключается только въ томъ, что, по хроникѣ, рыцари послѣ выстрѣловъ были отброшены отъ своихъ орудій, а Длугошъ объ этомъ не упоминаетъ. Поэтому Тунертъ называетъ это извѣстіе хроникъ хвастливою выдумкою („*prahlerische Erdichtung*“). Между тѣмъ тутъ ничего хвастливаго нѣтъ, такъ какъ самъ составитель хроникъ не придаетъ значенія этому временному и притомъ мѣстному (то-есть, только около орудій) отступленію рыцарей, ибо сейчасъ же говоритъ, что послѣ этого и началась жестокая битва (*bellum fecere tunc aspergimum*). Кромѣ того, это извѣстіе лучше всего объясняетъ, почему рыцари сдѣлали только два выстрѣла. Предположеніе Тунерта, что болѣе не стрѣляли слѣдствіе дождя — пудовлетворительно, такъ какъ дождь въ началѣ битвы былъ очень небольшой (*pluvia levis, см. cron.*

confl., 437; *suavis et modestae pluviae*, Dlugosz, XI, 56). Длугошъ не упоминаетъ объ отступленіи рыцарей отъ орудія, по всей вѣроятности, потому, что по придавалъ этому отступленію пушкарей никакого значенія, такъ какъ орудія и безъ того не приносили вреда.

7) Тунертъ говоритъ, будто по хроникѣ въ долинѣ произошло сраженіе между литовцами и стоявшими противъ нихъ рыцарями (*Es soll also hier im Thale das litauische Heer mit dem ihm gegenüberstehenden Theile des Ordensheeres kämpfen*). Между тѣмъ какъ, по Длугошу, непріятельскія войска столкнулись въ долинѣ на всемъ протяженіи своихъ ливій. Поэтому Тунертъ заключаетъ, что составитель хроникъ худо понялъ первоисточникъ, тѣмъ болѣе, что онъ будто и самому себѣ противорѣчитъ дальнѣйшимъ описаніемъ (*„alia autem pars hostium ex cisdem electis cruciferorum hominibus cum maximo impetu et clamore cum gente ducis Vytoldi congressa“*, *Chron. confl.* 438). Тунертъ понимаетъ это описаніе такъ, что войско Витовта не участвовало въ битвѣ въ долинѣ, и видитъ въ этомъ противорѣчіе съ прежнимъ указаніемъ хроникъ, что въ долинѣ сражались именно литовцы. Въ заключеніе Тунертъ говоритъ: *„Wir ersehen auch hieraus zugleich, wie wenig glaubwürdig die Chronik ist“*.

На самомъ же дѣлѣ хроникъ вовсе не противорѣчитъ ни себѣ, ни Длугошу. Вопервыхъ, Тунертъ не обратилъ вниманія, что хроникъ прежде, чѣмъ описывать столкновение въ долинѣ, говоритъ (437): *„Cum jam uterque exercitus tam regis, quam ducis Vytoldi, cum omnibus hostium aciebus fuere ad invicem copulati et congressi“*. То-есть, говоритъ, какъ и Длугошъ, о столкновеніи по всей ливіи, слѣдовательно, противорѣчія между хроникой и Длугошемъ нѣтъ. Сейчасъ увидимъ, что хроникъ не противорѣчитъ и самой себѣ. Только-что приведенный изъ нея отрывокъ продолжается такъ: (*congressi*) *maiorque exercitus Prutenorum ex electis ipsorum aciebus fuere ad invicem ordinati super gentem ducis Vitoldi, banarium sancti Georgii et banarium nostre prime aciei congressi cum clamore maximo et incursu equorum nimio in valle quodam, sic quod adversa de monte et pars nostra similiter de monte mutuis se susceperunt ictibus lacerare. In illo autem loco post conflictum ex hastis...* Далѣе черезъ нѣсколько строкъ: *„Alia autem pars hostium ex eisdem electis cruciferorum hominibus cum maximo impetu et clamore cum gente ducis Vytoldi congressa et fere per horam preliantes mutuo inter se plurimi ex utraque parte ceciderunt, ita quod gens Vytoldi ducis cogitur retrocedere“*. Для выясненія разказа приведемъ еще отрывокъ изъ хроникъ, нѣсколько выше только что выписаннаго: *„In manu dextra dux Wytoldus cum gente sua cum banario sancti Georgii scilicet banario prima aciei bellum est ingressus“*. Вторая ошибка Тунерта въ томъ, что онъ, какъ намъ кажется, невѣрно понялъ приведенные отрывки хроникъ. По его мнѣнію, хроникъ говоритъ, будто противъ Витовта стояло со стороны ордена знамя св. Георгія; основываетъ это мнѣніе онъ на приведенныхъ выше словахъ: *„In manu dextra dux Wytoldus cum gente sua cum banario sancti Georgii scilicet banario primo aciei bellum est ingressus“*. (Ту же ошибку дѣлаетъ и Капо, III, 325: *„wo auf polnischer seite Witold mit seinen Schaaren auf der deutschen unter dem Banner des heiligen Georg vorzugsweise die*

*Fremden in Ordensheere fochten*⁴). Но здѣсь говорится не о нѣмецкомъ знамени св. Георгія, а о польскомъ. Тувертъ упустилъ изъ виду, что въ польскомъ войскѣ тоже было знамя св. Георгія, при которомъ стояли чехи и моравяне (Dlugosz, XI, 38). Предлогъ *cum* оба раза (*cum gente sua cum banario sancti Georgii*) имѣеть здѣсь не враждебное значеніе противъ, а „съ“—со своимъ отрядомъ, со знаменемъ св. Георгія. Доказательства этого слѣдующія.

Изъ приведенныхъ отрывковъ видно, что хроника дѣлитъ войско рыцарей, какъ бы на двѣ части: одна часть—*ex electis aciebus* или *hominibus cruciferorum*, а другая—*banarium sancti Georgii*. Первая часть стояла противъ литовцевъ Витовта, а вторая, то-есть, нѣмецкое знамя св. Георгія стояло противъ перваго ряда поляковъ (*postre prime acie*), то-есть, противъ польскаго знамени св. Георгія, такъ какъ было объяснено „*cum banario sancti Georgii scilicet banario prime acie*“. И оказывается, что хроника никакого противорѣчія въ себѣ не заключаетъ. Сначала хроника говоритъ, что Витовтъ началъ сраженіе съ литовцами и съ первымъ рядомъ поляковъ, то-есть, съ польскимъ знаменемъ св. Георгія. Затѣмъ разсказываетъ, что, когда непріатели сошлись, противъ литовцевъ Витовта оказалось отборное рыцарское войско, а противъ перваго ряда поляковъ (противъ польскаго знамени св. Георгія)—нѣмецкое знамя св. Георгія. Наконецъ, описываетъ вкратцѣ сначала столкновение нѣмецкаго знамени св. Георгія съ польскимъ, а затѣмъ переходитъ къ описанію сраженія литовцевъ Витовта съ отборною частью рыцарскаго войска. Что польское знамя св. Георгія дѣйствительно принимало участіе въ первой стычкѣ, подтверждается и изъ Длугоша. Длугошъ (XI, 55), разсказывая о бѣгствѣ литовцевъ, говоритъ: „*fugerat etiam ea tempestate et sancti Georgii ex parte regia vexillum*“.

8) Тувертъ говоритъ, что истребленіе праваго нѣмецкаго крыла, возвращавшагося послѣ преслѣдованія бѣжавшихъ литовцевъ, есть выдумка составителя хроники, и что Длугошъ ничего объ этомъ не знаетъ („*von der Dlugosz nicht das mindeste weiss*“). Между тѣмъ Длугошъ (XI, 57) говоритъ, что возвращавшіеся преслѣдователи вступили въ сраженіе, что очень многіе изъ нихъ погибли и обратились въ бѣгство („*Interea redit Cruciferorum exercitus Lithuanos et Ruthenos fugientes insectatus... Fit asperum secedentibus novis pugnatoribus... certamen... acies Crucifera grandi in militibus jactura excerpta, ordinibus insuper confusis et his o qui ordines ducebant, percemptis.. Wladislaus... hostium, quos in locis alicuot fugos profligatosque viderat, fugam et devictionem extremam facitus operiebatur*“). А хроника прямо говоритъ, что не всѣ возвратившіеся изъ преслѣдованія были уничтожены и даже указываетъ, которая часть осталась (438). Слѣдовательно, свидѣтельства хроники и Длугоша очень близки другъ къ другу.

9) Тувертъ, говоря о различіи въ характеристикѣ Ягайла въ хроникѣ и у Длугоша, обращаетъ вниманіе на то, что по хроникѣ Ягайло, увидя несущагося на него магистра, хотѣлъ прямо на него броситься, а по Длугошу—сначала, испугавшись, послалъ Збигнева Олесницкаго за подкрѣпленіемъ, а затѣмъ вдругъ, когда тотъ возвратился ни съ чѣмъ, проявилъ необикновенную храбрость. Изъ этого извѣстія Тувертъ дѣлаетъ заключеніе, что Длугошъ

рассказ о храбрости Ягайла ваял из первоисточника, не замечая, что онъ противорѣчитъ только что обнаружившемуся страху короля. Не нужно доказывать, что вмѣсто предполагаемаго первоисточника, Длугошъ могъ заимствовать это и изъ *сop. confi.*

10) Тунертъ указываетъ на краткость и неточность хроникъ въ рассказѣ послѣ битвы, именно на неточности мѣста и времени. Объясняетъ онъ это тѣмъ, что составитель хроникъ неудачно сталъ распространять первоначальный источникъ, который былъ еще короче. Мы уже говорили, что это объясняется тѣмъ, что составитель хроникъ описывалъ собственно сраженіе, а остальное, то-есть, то, что предшествовало сраженію и что слѣдовало за нимъ, онъ упоминаетъ только въ общихъ чертахъ.

Изъ всего сказаннаго можно сдѣлать слѣдующіе выводы:

1) Хроника должна быть раздѣлена при разсмотрѣніи на 2 части: а) существенная—описаніе сраженія, б) несущественная—описаніе событій, предшествовавшихъ сраженію и слѣдовавшихъ за нимъ.

2) Существенная часть хроникъ, то-есть, описаніе самой битвы по своему значенію выше Длугоша.

3) Между хроникою и Длугошемъ—большое сходство, которое скорѣе всего объясняется тѣмъ, что Длугошъ пользовался хроникою, именно существовавшей ея частью. Приводимыя противъ этого мнѣнія Тунертомъ противорѣчія между хроникою и Длугошемъ въ описаніи самой битвы—частью мнимыя, частью результатъ тенденцій Длугоша.

Далѣе Тунертъ старается доказать, что хроника составлена гораздо позже 1410 г. Самое основаніе, изъ котораго при этомъ онъ исходитъ,—ложное. Онъ исходитъ изъ мнѣнія, что хроника вездѣ, гдѣ противорѣчитъ Длугошу въ важныхъ случаяхъ, невѣрна. Но мы уже видѣли, что всѣ эти противорѣчія въ описаніи самой битвы (существенная часть хроникъ) или мнимыя, или говорятъ не въ пользу Длугоша. Главное доказательство поздняго происхожденія хроникъ Тунертъ ищетъ въ рассказѣ о присылкѣ мечей. Онъ сравниваетъ рассказъ хроникъ о присылкѣ мечей съ рассказомъ о томъ же фактѣ въ польской жалобѣ на Констанцскомъ соборѣ, въ письмахъ Ягайла къ жепѣ и къ епископу Познанскому, у Длугоша, отчасти у Іоанна Посилге, и стремится доказать, что составитель хроникъ пользовался жалобой. Тунертъ (стр. 102) говоритъ такъ: Только по хроникѣ и по жалобѣ, мечи приносятъ герольды короля Венгерскаго и герцога Штеттинскаго, и притомъ по порученію магистра и маршала—королю и Витонту. Оба же упомянутыя письма Ягайла и Длугоша отступаютъ въ этомъ извѣстїи и по тому, и по другому пункту.

Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, — не совсѣмъ такъ. Въ первомъ пунктѣ (относительно герольдовъ) съ хроникою сходится Длугошъ (XI, 49). Что въ короткихъ письмахъ Ягайла не упоминаются имена герольдовъ, ничего удивительнаго въ томъ нѣтъ. Во второмъ пунктѣ (о томъ, кто кому послалъ мечи) съ хроникою сходится письмо Ягайла къ Ашиѣ (*Script. rer. prus.*, III, 426), по которому тоже магистръ и маршалъ присылаютъ мечи Ягайлу и Витонту (*magister cruciferorum et marschaleus... nobis et... Witoldo per suos heraldos duos gladios direxerunt sic dicentes: noveritis, rex et Witolde*)... Длугошъ говоритъ только о магистрѣ, не упоминая маршала, вопреки явному указанію въ

письмѣ Ягайла. Слѣдовательно, изъ этого можно только заключить, что Длугошъ не точенъ. Такимъ образомъ хроника сходна не только съ жалобой поляковъ, но и съ письмомъ Ягайла къ Аннѣ, которое только не называется, какіе герольды. Напротивъ, между хроникой и жалобой есть гораздо болѣе замѣтное различіе (не извѣстно, почему Тувертъ не обратилъ на это вниманія). Въ жалобѣ поляковъ опредѣленно говорится только объ одномъ герольдѣ, за то не только сказано, чей онъ, но даже упомянуто и его имя („per quosdam heroldes et signanter Ramrich heraldum serenissimi principis domini Sigismundi Romanorum regis, magistri ordinisque et marsalci iussionibus duo gladii nobis sunt presentati“. Cod. ep. Vitoldi, 1014, Voigt, Gesch. Preuss., VII, 84, примѣч.). Про другаго же герольда ничего не сказано, откуда онъ былъ. Между тѣмъ въ хроникѣ читается такъ (436): „venerunt ad regem duo heraldi: unus regis Hungarie regi ex parte magistri evaginatam portans gladium et alter ducis Seecynensis alium similiter gladium ex parte marsalci duci Vytoaldo dandum manu tenens“. То-есть, про обоихъ герольдовъ сказано, откуда они: одинъ отъ Венгерскаго короля (Сигизмунда, онъ же императоръ), другою отъ Штеттинскаго герцога; за то нѣтъ собственнаго имени Ramrich. Кромѣ того, жалоба говоритъ, что мечи присланы отъ магистра, маршала и ордена („Esse offerimus... duos gladios... ex parte magistri et marschalci et fratrum ordinis Theutonicorum“. Cod. ep. Vitoldi, 1014), а хроника — только отъ магистра и маршала („Magister hunc... dirigit gladium... et ex parte marsalci alium dare debemus. Cron. confl., 437). При этомъ хроника распределяетъ эти мечи такъ, что магистръ посылаетъ мечъ Ягайлу, а маршалъ Витовту, чего нѣтъ въ жалобѣ. Однимъ словомъ, извѣстіе хроникъ о мечяхъ вовсе не похоже на заимствование изъ жалобы.

Далѣе Тувертъ указываетъ, что въ хроникѣ, какъ и въ жалобѣ, герольды въ своей рѣчи, между прочимъ, вызывали поляковъ выйти изъ лѣсу на бой, а въ письмахъ Ягайла этого нѣтъ. Но тутъ авторъ даже самъ приводитъ свидѣтельство Іоанна Посилге, который тоже говоритъ о гѣсѣ („Und der marschalk sante deme konige czwey bare swert by den heroldin, das her nicht so lege in dem walde, sunder das her hervoczoge uff das rume“, Script. rer. prus. III, 316) и Длугоша (XI, 50: „neque de caetero latites, et intra silvas nequaquam consistens, ripnam trahas“). Не понятно, почему г. Туверта смущаетъ, что въ письмахъ Ягайла приведена не вся рѣчь герольдовъ: при ихъ краткости, это вполне естественно. И изъ того, что въ письмахъ не упоминается о приглашеніи выйти изъ лѣса (которое есть въ хроникѣ, въ жалобѣ, у Іоанна Посилге, у Длугоша), нельзя, конечно, дѣлать заключеніе, что хроника взяла это приглашеніе изъ жалобы. Въ хроникѣ оно приведено просто потому, что дѣйствительно было сказано (дѣйствительность этого приглашенія признаетъ и Тувертъ) и было извѣстно составителю хроникъ.

Наконецъ, Тувертъ приводитъ изъ жалобы и изъ хроники рядъ сходныхъ выраженій въ разказѣ о мечяхъ. Но первое же выраженіе приведено у него не полно, какъ изъ жалобы, такъ и изъ хроники. Взятыхъ же вполне, онѣ обращаютъ на себя вниманіе скорѣе различіемъ, чѣмъ сходствомъ (о чемъ уже говорено выше). У Туверта (102) выписано изъ рѣчи герольдовъ:

Concilbericht (то-есть, жалоба на Констанцскомъ соборѣ): *ex parte magistri et marsalci. Chr. 436: ex parte marsalci.*

Но это только, такъ сказать, половина выраженій:

Въ жалобѣ читаемъ: *ex parte magistri et Marscalci et fratrum ord. Theuti* (Voigt, VII, 85 примѣчаніе. Тунертъ цитируетъ это по отрывку у Voigt'a. То же самое въ Cod. ep. Vitoldi, 1014).

Въ хроникѣ: *magister (hunc tibi dirigit gladium)... ex parte marsalci (alium dare debemus).*

О томъ, что въ этомъ случаѣ выраженія письма Ягайла къ Аннѣ сходны съ хроникою, было уже сказано.

Другія выраженія, приведенныя Тунертомъ изъ хроникъ и изъ жалобы (какъ-то: „*gladios in subsidium* или *pro subsidio*“, „*ut eligatis campum* или *locum*“, „*cum mansuetine animi*“), какъ сходныя, встрѣчаются точно также и въ письмахъ Ягайла (*Script. rer. prus. III, 425—427*). Выраженіе о гвѣсѣ—въ подобной же формѣ у Іоанна Послаге, какъ уже упомянуто выше. Слѣдовательно, хроника относительно выраженій сходна не только съ жалобой, но и съ другими источниками. И всѣ эти сходства выраженій въ разныхъ источникахъ очень естественны, такъ какъ они передаютъ вѣрно одну и ту же рѣчь герольдовъ, которая дѣйствительно была сказана въ такихъ выраженіяхъ. И никакого заимствованія доказывать этимъ сходствомъ, очевидно, нельзя.

Предполагая въ хроникѣ заимствованія изъ жалобы и притомъ не прямо, а чрезъ посредство предполагаемаго первоисточника, Тунертъ заключаетъ, что хроника составлена значительно позже 1416 г. (то-есть, года составленія жалобы). Но такъ какъ предположенія его о заимствованіи хроникъ изъ жалобы и о существованіи какого-то первоисточника рѣшительно ничѣмъ не подтверждаются, то и выводъ, конечно, не можетъ быть принятъ. Нѣтъ никакой причины сомнѣваться въ томъ, что *Cronica conflictus*—современна Танненбергской битвѣ.

А. Барбашевъ.